

Елена Ворон

Талисман для виновного

Пролог

Ну, ладно. Коли хотите, чтоб вышло интересно, я начну с середины этой истории — с того дня, когда нас привезли с космодрома в кемпинг «Лучистый Талисман».

По-хорошему, в ту самую минуту, когда мы переступили порог домика и наш провожатый ушел, надо было развернуться и дать деру. Я печенкой чуял: ничего хорошего нам в кемпинге не светит и лучше рвать когти, пока не поздно. Однако после всех приключений в мозгах у меня помутилось, и когда Эри пожаловался, что его ноги не держат и он вот-вот помрет с голоду, я легкомысленно уступил. Поэтому мы не растворились в окружающих «Лучистый Талисман» лесах, а оказались за ломившимся от еды столиком в ресторане.

И попали как кур в ощи́п.

Мало того, что мы были в центре зала, у всех на виду, так еще через столик от нас сидели два гомика, одаривших моего Эри живейшим вниманием. Удивительного мало: слишком длинные черные кудри и женский изумрудный

перстень, который Эри носит на мизинце, в самом деле наводят на всяческие мысли. Добавьте к этому полные трагизма зеленые глаза и лицо, отмеченное печатью благородных страданий, а также могучие мускулы, густой волос на руках и на шее и невероятную прозорливость — и вот вам портрет моего Эри.

Он был слишком занят третьей порцией мяса, чтобы обращать внимание на умильные улыбки. Ему вообще было ни до чего, кроме харчей. Иное дело — я. Взгляд то и дело перебегал Эри за спину, и внутри растекался неприятный холодок.

Прямо на меня глядел Элан Ибис. Человек, имя и документы которого я присвоил; тот, с чьей внешностью возвратился на Кристину. Элан Ибис, похоронивший на Изабелле вверенную ему группу туристов. Человек, поломавший мне жизнь... Впрочем, это был всего лишь рекламный плакат.

Ибис стоял на фоне снежной вершины, придерживая за лямки огненно-красный рюкзак, и черный с золотом девиз уверял, что с таким рюкзаком можно забраться аж на седьмое небо. Дорогой костюм от «Макрокосм», ослепительная улыбка, сияющие карие глаза, золотистая шевелюра — таков был герой рекламных роликов Элан Ибис.

Теперь таким стал я. Только без рекламной улыбки.

Оказалось, прозорливый Эри замечает кругом

себя гораздо больше, чем я полагал. Заедая мясо тушеными грибами, он вполголоса сообщил:

— Позади справа сидит тип, который на тебя пялится.

Нашел, чем удивить. Весь ресторан пялил глаза, почитая меня за рекламную знаменитость.

— Совершенно отвратный субъект, — добавил Эри еле слышно. Обычно он разговаривает тихо-тихо, словно пугаясь собственного голоса. Зато когда сердится, может орать, что твоя иерихонская труба. — Уже несколько минут глаз не сводит.

— В лоб захотел, — пожал я плечами и оглянулся.

По спине поползли мурашки, и засвербело под лопатками — там, где кислотой было вытравлено мое настоящее имя, все двенадцать букв: Ленвар Техада. Господин Око, начальник тюрьмы в городе Травен, столице Территории-2, поймал мой взгляд и уткнулся в тарелку. Складчатый подбородок, как всегда, был неважно выбрит, нижнее веко подергивалось, сквозь пушок на голове блестела розовая кожа. Я отвернулся, сосчитал в уме до десяти, разжал стиснувшие салфетку пальцы.

— Кто это? — Зеленые глаза Эри утратили трагическое выражение, в них вспыхнула беспощадная решимость. Видно, чувства к господину Око начертались у меня на лбу. — Что

он тебе сделал?

— Не суетись — он нам не опасен. — Я надеялся, что не вру. Если начальник травенской тюрьмы не признает во мне Ленвара Техаду, то к Элану Ибису вопросов не возникнет. — Хорош жевать, и сваливаем отсюда.

Эри клялся, что меня не отличить от настоящего Ибиса, однако сойду ли я за рекламную звезду при ближайшем рассмотрении?

— Молодые люди, вы позволите? — раздался приятный женский голос.

Эри вскинул голову. Дама выдвинулась у меня из-за спины.

— Господин Ибис, разрешите присесть?

— Конечно. Пожалуйста. — Я встал и отодвинул для нее стул.

Эри взбесился, но промолчал. Незнакомка улыбнулась и величественно опустилась на сидение. На вид ей было лет сорок, однако я учел, как холили ее лицо и тело косметологи с массажистами, и смело прибавил еще десяток. Нас с ней разделяло почти тридцать лет, но она все равно мне понравилась. Красивая, с молодыми руками. И с глазами цвета глубокого вечернего неба.

— Я вас не задержу, — проворковала незнакомка. — Господин Ибис, я часто видела вас на экране... — Она смолкла и повернулась к

возмущенному вторжением в наш интим Эри.

Под ее цепким взглядом он потупился, на загорелых скулах разлились красные пятна. Эри отложил вилку и встал.

— Я пойду.

Он зашагал к выходу из зала.

— Какой эффектный молодой человек, — заметила гостя. — И перстень у него бесподобный.

Эри лавировал между столиками, сердито встряхивая черными кудрями. Хорошо бы уговорить его подстричься... Не оглядываясь, мой друг выскочил из зала.

— Кажется, он вас ревнует? — лукаво улыбнулась красавица.

Я не стал развивать тему.

— Элан... — Незнакомка заглянула мне в лицо. — Вы позволите называть вас по имени?

— Сибилла, — вырвалось у меня. — Вы — Сибилла.

— Боже! Вы телепат?! — Она испугалась — притворно и с милым кокетством.

— Нет, что вы, — поспешно заверил я. — Так вышло. Это случайность.

Никакой я не телепат, а всего лишь умею угадывать женские имена.

Глаза цвета ночного неба вспыхнули звездным светом.

— Элан, вы уделите мне четверть часа?

Я не нашел причин, чтоб уклониться. Сознаюсь, не больно-то искал. Одни руки прекрасной Сибиллы чего стоили! Гладкие, как у молоденькой девушки, полупрозрачные; их хотелось взять и поднести к губам, ощутить их шелковистую прохладу. Поэтому я изрек какую-то галантную чушь и остался в ресторане. Позабыв об Эри и о собственном намерении скрыться, выбросив из головы господина Око, начальника травенской тюрьмы...

Жаль, нет у меня дара предвидения, как у настоящего Ибиса. Знать бы наперед, какую цену придется платить за то, что отпустил Эри одного — разве стал бы рассиживаться, тратить драгоценные минуты на болтовню? Ни в жизнь.

Мы с Сибиллой пошли танцевать. Страстная поклонница Ибиса, она млела, наблюдая его на экране видео. И вдруг — нежданная удача! Рекламный Ибис собственной персоной. Красавица им восхищалась. Она его обожала. Она его воспевала и превозносила до небес — а поскольку адресовалась при этом ко мне, я чувствовал себя весьма неловко.

— Понимаете, Элан, — пела Сибилла, — вы рекламируете всяческие лодки, палатки, альпенштоки — но это не важно. Главное — с экрана вы приходите в дома желанным гостем, добрым другом. Ваша улыбка согревает сердца,

глаза освещают наши жизни. Вы — будто утренний солнечный зайчик... — Она запнулась. — Я что-то не так сказала?

Я изобразил любезный оскал, хотя внутри все вскипело. Сибилла не знала, что Солнечным Зайчиком меня кликали в Травене зырки — тюремные надзиратели.

Мы кружили в танце. Сибилла продолжала разливаться в дифирамбах мертвому Элану Ибису. На краю сознания промелькнуло, что я смахиваю на жиголо при стареющей красотке, но на это было наплевать, а заботил меня господин Око с его дергающимся веком и пушком на розовой голове. Он давно покончил с едой, однако не уходил и задумчиво посматривал на нас с Сибиллой. Не к добру это, ох, не к добру...

Я дождался окончания танца, поклонился даме.

— Благодарю вас. Вы изумительно танцуете.

Сибилла бросила взгляд на часы и счастливо улыбнулась.

— Это вам спасибо. Понимаете, я сама с собой заключила пари — сумею ли удержать ваше внимание четверть часа. И выиграла... Ох! — она отшатнулась.

Видно, физиономия у меня перекосилась, а в глазах мелькнуло дьявольское пламя. Травенские зырки тоже заключали пари и ставили на меня, как

на фаворита.

— Господи, Элан... — пролепетала перепуганная Сибилла.

Спину будто ожгло огнем. «Техада! Ленвар Техада!» — орали вытравленные кислотой буквы.

— Извините. — Я ринулся вон. Надо хватать Эри и давать деру, пока нами не занялись вплотную.

«Лучистый Талисман» — кемпинг недорогой, но уютный, как дачный поселок. Вокруг каждого домика участок, ухоженный и радующий глаз. Весна еще не разгулялась, листья на деревьях не обрели право зваться листьями, и только-только полезла трава.

Я промчался по аллее, где стояли домики с зелеными крышами, свернул на другую — красные крыши — и затем выскочил на аллею с желтыми. Под одной из таких желтых крыш нас и поселили.

Вид мирно белеющих сквозь вечнозеленую изгородь стен успокоил. Тут не стояли полицейские глайдеры, не толклись люди в форме, не зияла распахнутая дверь. Я поднялся по ступенькам. Тишина.

Повторюсь: я не телепат. Однако едва взялся за дверную рукоять, нутро пронзило такое острое желание задать стрекача, что ноги с трудом устояли на месте. Не будь Эри, только бы меня там и видели. Я перевел дух и проскользнул в гостиную.

Опять тишина — напряженная, тугая. Полная ужаса и жестокости. Дом хранил память о происшедшем, и в его молчании мне слышался упрек: опоздал.

Я заглянул в спальню Эри. Сдернутое с постели покрывало валяется на полу, одно из двух кресел откатилось в угол. Похоже, здесь произошла короткая схватка. Я прикрыл дверь и прокрался через гостиную к своей спальне, осторожно повернул рукоять.

Опоздал.

Я привалился к косяку. Можно не переступать порог, не подходить к тумбочке у постели, не открывать потайной сейф. Я знал, чувствовал, всей кожей ощущал внезапную, непоправимую пустоту. Изабелек в сейфе нет.

Все же я подошел убедиться. Потянул за ручку; дверца тумбочки отворилась, и сама собой приоткрылась внутри дверца сейфа. Я заглянул в темный ящик. Увесистого мешочка с изабельками как не бывало. Пропала добыча, ради которой меня посылали на Изабеллу. Исчезли полтора килограмма драгоценных кристаллов. Ухнулись полмиллиона стелларов.

Однако почему исчез Эри? Понятное дело изабельки: они стоят кучу денег. Но Эри — кому он понадобился? И зачем? Мне стало нехорошо; пропажа сокровищ потускнела и отошла на второй

план.

Я беззвучно вернулся в гостиную. Разор в спальне свидетельствовал, что в дом явился чужак, причем не один — в одиночку с Эри так просто не сладить. Правда, нетрудно сдернуть с постели покрывало и отшвырнуть в угол кресло, если хочешь изобразить нападение и сбить меня со следа. Однако Эри не тот человек, который сопрет изабельки и пустится наутек, бросив товарища на произвол судьбы.

Я присел к столику со стационарным коммуникатором. Новомодная нелепая шгуковина: что-то вроде древнего телефонного аппарата из слоновой кости с серебряными накладками. На Кристине такое в большом почете. Своего личного коммуникатора у меня не было: засечь человека по сигналу проще простого, а мне таких радостей не надо.

Странно все. Не верилось, чтобы Эри безропотно позволил протащить себя через весь участок и затолкать в мобиль либо глайдер. Стоило ему хоть раз заорать, я бы с того света услышал. А если не я, то хотя бы соседи. Может, его оглушили? Бросили где-нибудь под кустом? Но участок просматривается насквозь... Я занес руку, готовясь набрать номер, — и вдруг сообразил, куда предстоит обращаться. В полицию. Прошиб холодный пот. Мне станут задавать вопросы,

потребуют удостоверение личности; притворяюсь я не ах... Не хочу обратно в Травен! Я все вспомнил, как было, — и злорадное любопытство зыркков, и дергающееся веко господина Око, и озверелую толпу сокамерников, и...

Я задавил истерику — сейчас надо думать об Эри. Дом по-прежнему был полон его немого ужаса. Я неслышно выскользнул на крыльцо, прокрался за угол, добрался до закрытого окна спальни. На влажной земле и молодой травке никаких следов. Я заглянул внутрь, словно рассчитывая сквозь стекло обнаружить в комнате Эри, которого не заметил раньше. Нет как нет. Меня что-то смутно тревожило, но страх перед полицией не давал сосредоточиться и разобраться в ощущениях. Я сделал круг по участку. Кружево новорожденной листвы было прозрачно, и если бы оглушенный Эри лежал здесь, я бы его нашел.

Что ж, деваться некуда. Я вернулся в гостиную и набрал 202. На обеих Территориях Кристины полицию вызывают одинаково.

Гудок, другой... Они не спешили ответить. Еще гудок. Я мысленно поклялся, что скорей сдохну, чем вернусь в Травен сидеть за преступление, которого не совершал. Новый гудок. С виска скатилась холодная капля, я поймал ее на щеке.

— Алло, полиция, — наконец ответил нежный

девичий голос.

И одновременно раздалось:

— Прощу прощения. Господин Ибис?

Я обернулся.

— Алло! — повторил нежный голос. —

Полиция. Слушаю!

На пороге стоял Теренс Максвелл — исполнительный директор турфирмы «Лучистый Талисман». Высокий, седой, импозантный. Он беседовал со мной, когда я еще был Ленваром Техадой и только собирался отправиться на Изабеллу.

— Алло! — в последний раз воззвала полиция и дала отбой.

— Разрешите войти?

Я дернул головой, что должно было сойти за согласный кивок. В горле пересохло, и я с усилием подавил дрожь в руках. Что ж; коли так, обойдемся без полиции: пусть Максвелловы орлы займутся поисками.

Исполнительный директор сунул руки в карманы длинной расстегнутой куртки, под которой виднелся дорогой костюм.

— Господин Максвелл, у нас... — начал я.

— То, что произошло на Изабелле, — перебил он. — Вы имеете что-нибудь добавить к сказанному?

Меня зло взяло. С борта яхты, которая забрала

нас с планеты, я кратко доложил, что из всей туристической группы остались в живых двое, — а он вопрошает, имею ли я что-нибудь добавить. Тут полдня можно повествовать. И Эри пропал.

— Послушайте...

— Господин Ибис, сейчас меня интересует вот что. Не встречались ли вы на маршруте с неким Ленваром Техадой?

Под лопатками защипало.

— Довелось. — Сам подивился тому, как ровно прозвучал мой ответ.

— Когда?

— За две недели до того, как ваш пилот соизволил поискать пропавшую группу, — бросил я зло. Людей выбросили на необитаемой планете и полтора месяца не интересовались их судьбой. Уроды.

Максвелл и бровью не повел.

— Куда Техада направился после встречи с вами?

Тут я окончательно взъярился. Восемь человек, посланные «Лучистым Талисманом» на Изабеллу, остались там — а он занят одним-единственным. И не Техадой даже, плевать ему на Техаду: покоя не дает мешок с добытыми изабельками.

— Ленвар Техада погиб на наших глазах.

Это не я сказал. Я подскочил в кресле, словно

меня током ударило. Сгинувший Эри необъяснимым образом возник на пороге собственной спальни и стоял там, скрестив руки на груди и прислонясь плечом к косяку. Набрякшие мешки под глазами, бурые запекшиеся губы, на подбородке сочится кровью ссадина.

Мой единственный свидетель, готовый подтвердить: Элан Ибис сделал все возможное, чтобы сберечь вверенных ему людей.

Максвелл живо к нему повернулся.

— Как это произошло? При нем были какие-нибудь вещи?

— Техада явился к нам с пустыми руками. — Эри стоял не шевелясь, только подрагивал угол рта. Черная куртка была порвана на плече.

Меня поразила его ложь. Зачем скрывать, что изабельки похищены пять минут назад? Пусть бы у Максвелла о них болела голова, а нам досталась хотя бы часть положенного вознаграждения.

Я решил выяснить резоны Эри позже.

— Вы... — исполнительный директор замаялся, — не осматривали карманы его одежды?

— Нам нечего было там искать. — Я поднялся на ноги и встал рядом с Эри. — Мы похоронили Техаду, вот и все. — Странно говорить такое о самом себе.

Максвелла не интересовало, как погиб промысловик: на уме были одни изабельки.

— Техада рассказывал, чем занимался на маршруте?

— Не успел. — У Эри вибрировал голос; я чувствовал, что он вот-вот сорвется на крик. — Техада погиб, как и остальные. Вы послали людей на планету-убийцу и...

— Позвольте, — перебил Максвелл. — Господин Эри. Господин Ибис. Давайте разберемся спокойно.

Эри смолк и опустил голову. Невзначай коснувшись плечом, я ощутил его дрожь.

— Дело вот в чем, — продолжал исполнительный директор. — Техада не мог потерять... или, гм, спрятать то, что должен был нести с собой. Этот груз... э-э... имел для него ценность только в случае, если бы Техада доставил его на Крестину.

Максвелл примолк, оглядел нас пытливо. Эри стоял, уставившись в пол, у меня на лице вроде бы ничего не отразилось.

— Это были кристаллы изабеллита. Прозрачные голубые камни. Если не знать технологию их обработки, они ничего не стоят — разве только представляют интерес для коллекционеров-любителей. Их можно продать, но нельзя выручить больших денег. Предполагалось, что Техада получит за них хорошее вознаграждение. И если так случилось, господа, что

вы все-таки привезли их с собой, можете рассчитывать на часть его платы.

— Ублюдок! — внезапно заорал Эри и кинулся к оторопевшему Максвеллу. — Мы восемь человек похоронили, а ты про стекляшки!.. Вон отсюда! — Он тряхнул директора, словно куль с тряпьем, и толкнул к двери. — Вон!

Максвелл замешкался у порога. Вне себя, Эри схватил за ножку журнальный столик и размахнулся; директор исчез, дверь захлопнулась. Эри с грохотом швырнул столик на пол. И тут у него будто кончился завод: он поник, сгорбился, добрел до дивана и повалился на него ничком.

Я поставил треснувший от удара столик на ножки и сообщил:

— Я тебя обыскался. Решил, что похитили.

— Заглянул бы в ванную — там и нашел, — отозвался Эри, не поднимая головы. — В щели между стеной и унитазом.

Вот почему я чувствовал его ужас — затаившийся Эри был совсем рядом, только не слышал, как я шнырял туда-сюда.

— Налить чего-нибудь?

Он промолчал. Ладно, как хочет.

— Зачем мы соврали про изабельки?

Молчание. Я поглядел на его порванную куртку: сквозь дыру на плече виднелась голая кожа. Наверное, рубашку ему изодрали в ключья.

— Что здесь творилось? Выкладывай.

Эри повозился, положил подбородок на скрещенные руки.

— Что творилось... Явились трое мужиков и ненавязчиво поинтересовались судьбой Тони. Пришлось отвлечь внимание и сунуть им изабельки.

Я очень сдержанный, воспитанный человек. Сердце у меня доброе, а душа мягкая и нежная, как цветок. Только поэтому я не закатил Эри затрещину и не обложил его всеми словами, какие помнил. С другой стороны, и впрямь дешевле расстаться с любимыми сокровищами, чем иметь дело с молодчиками покойного Гайды... Впрочем, Тони и Гайда — это отдельная повесть, я расскажу вам ее в свое время.

— Подробности будут?

— Нет. — Эри приподнялся, выпростал одну руку из рукава и откинул куртку на сторону. — Погляди: что они там нарисовали?

Я глянул; аж в глазах потемнело. На его мускулистой, поросшей редким черным волосом спине краснели вырезанные ножом буквы — МВ. Мишель Вийон.

Не слыша ответа, он повернул голову, посмотрел на меня — и не стал переспрашивать, уткнулся носом в диван.

Не хватало, чтобы всплыла история с

Мишель. Вот только этого мне не доставало!

Я стащил с себя свитер и бросил Эри на спину. С тем же успехом мог бы принести что-нибудь из его собственной одежды, но свитер раньше принадлежал Ибису; наверное, решил я, в нем Эри будет уютнее.

— Обряжайся. По нынешним погодам в рванье долго не походишь.

Он сел, неловко влез в свитер и снова натянул порванную куртку.

— Элан... Ну, извини. Так получилось.

Я поморщился. Добытых кристаллов было жаль до чертиков, но его было еще жалче.

— Ладно. Растолкуй: почему мы не пустили по следу Максвелла? Пусть бы подавился своими камнями, зато кинул бы нам пару тысяч.

Эри выпрямился. В зеленых глазах появился недобрый блеск.

— О чем вы, господин Ибис? За что вам должны пару тысяч?

— Я честно наковырял целый мешок камней. И трудился вовсе не для удальцов, которые явились, набили тебе морду, изрезали спину и довольные свалили.

— Это кто трудился? Лично вы, господин Ибис, ни камешка с земли не подобрала.

— Прекрати. Твои дурацкие шутки...

— Я не шучу. — Эри поднялся с дивана и

мрачно посмотрел мне в глаза. — Камни собирал Ленвар Техада. А ты — Элан Ибис и не имеешь на них никаких прав. Или я чего-то не понимаю?

Я поглядел в потолок, в окно, на свои ботинки, сосчитал до десяти. После чего предложил:

— Хочешь, новых мордovorотов кликну? Пусть они тебе добавят. Тогда сразу разберешься, у кого какие права.

Он зло усмехнулся.

— Послушай. С Эланом Ибисом мы месяц шли по тропе и одного за другим хоронили людей. И я где угодно присягну, что его вины в этом ни вот на столько. Но Ленвара Техаду я не знаю и знать не хочу! И если желаешь быть Эланом — про Техаду забудь. В тюрьме ты не сидел, изабельки не собирал; и денег с Максвелла не требуй. Тебе ясно?

Он рехнулся, в который раз напомнил я себе. Слишком многое на него свалилось на треклятой Изабелле.

— Ладно, будь по-твоему.

Лишиться драгоценной добычи — не самое скверное. Куда хуже потерять союзника-Эри.

Я прошелся по комнате, поймал свое отражение в зеркале на стене. Ибис, как есть Ибис. Стоп. Если у меня изменилось лицо и я стал копией Элана Ибиса, то, может... Сбросив рубашку, я повернулся спиной к Эри.

— Посмотри. Есть что-нибудь?

Вытравленные кислотой буквы, память о господине Око. Возможно, они начали заплывать и стираться? Ведь у Ибиса не было никаких отметин.

— Ты забыл, — промолвил Эри чуть слышно. — У тебя давно уже ничего нет.

Ничего себе — я забыл! Ей-богу, с ним и самому недолго спятить. Вывернув шею, я изучил в зеркале свой тыл. В самом деле, буквы исчезли. Пропали! Нет больше у меня, беглого зэка, особых примет. Ни-ка-ких.

Я так обрадовался, что не разобрал слов Эри. Он опять едва не шептал, точно боялся собственного голоса.

— Что такое? — я подошел, застегивая рубашку.

— Они украли перстень Мишель, — горестно повторил он.

Моего ликования из-за пропавших букв хватило, чтобы отнестись к его утрате легкомысленно.

— Скажи спасибо, что украли. А то с этим перстеньком тебя за голубого держат.

Эри сделал попытку улыбнуться, но улыбка сломалась.

— Это последнее, что осталось от Мишель.

Тут он был прав.

— Постой, — меня осенило. — Зачем переть

побрякушку, если им добром отдали мешок изабелек?

— Заодно.

— Чушь, — заявил я, направляясь в его спальню. — Есть же пределы человеческой жадности.

— Наивное заблуждение.

Я поднял валявшееся на полу покрывало и положил на постель.

— Если бы мне довелось услышать, как было дело...

Эри смотрел в пространство, словно я обращался к стенам. Никаких подробностей для прессы.

Сев на корточки, я вытянул над полом руки, повел вправо-влево. Ладони не отозвались, кончики пальцев тоже молчали. Я сосредоточился. Изумруд холодный и колючий, от него пальцы покалывает часто и неприятно. Мне сотни раз доводилось иметь дело с изумрудами; неласковые они. Иное дело — аметист: держит вокруг себя нежное теплое облачко, ласкает руки. А что уж говорить об изабельках! О них я бы слагал поэмы, если б мог.

Ничего не обнаружив под постелью, я прошелся рукой дальше вдоль стены — и точно, в щели между стеной и ковром нащупал перстень. Наткнулся на него пальцами, а не почувствовал издалека, и в который раз кольнула мысль, которую

я старательно гнал прочь. Кажется, после приключений на Изабелле — точнее, после смерти Ибиса — я начал терять свои способности.

— Держи сокровище, — протянул я находку Эри. — Не сидит он плотно на мизинце — вот и слетел. Когда-нибудь вообще посеешь навсегда.

Он взял перстень, хотел поблагодарить, но поперхнулся и лишь мотнул головой. Я чуть не хлопнул его по изрезанной спине, да, к счастью, вовремя удержался.

Эри совсем расстроился. Он крутил перстень на пальце, руки у него дрожали, и пару раз вздрогнули мощные плечи. Утешитель из меня никакой, поэтому я ушел в гостиную и оставил его одного. Все равно сказать было нечего.

В гостиной показалось зябко. Проверил климат-контроль — работает. Значит, нервное. Занервничаешь тут! Я подвел итоги.

Вот он я — Ленвар Техада, отсидевший два месяца из присужденных десяти лет. В камеру возвращаться не собираюсь. Безо всяких пластических операций обрел внешность Элана Ибиса, местной рекламной знаменитости. Утратил особую примету беглого зэка — собственное имя, кислотой запечатленное под лопатками. Потерял способность руками ощущать драгоценные минералы, но взамен обрел повышенную способность улавливать чувства окружающих.

Имею страстное желание убраться с Кристины и пока не знаю, как. Денег мало, изабельки улыбнулись, и мы с Эри врем напропалую.

Тут я глянул в окно и обнаружил, что дела мои совсем дрянь. В коротком бело-голубом плаще, по дорожке к нашему крыльцу шагала юная миллионерша Юлька Вэр.

Часть 1. Бес солнечного зайца

Глава 1

С Юлькой я познакомился у тетушки Марион. А как очутился у тетки — это особая песня.

Началось все в Травене. В один прекрасный день меня сдернули с лазаретной койки — я отлеживался после очередной драки в камере; про эти драки потом отдельно расскажу. Вывели меня во двор, под ласковое солнышко, запихали в броневик. Внутри засели два вооруженных охранника, третий загрузился в кабину — и поехали. Сижу на скамье, гадаю, куда направляемся и зачем. В конце концов не утерпел, осведомился. Оказалось, движемся в Загоренец — есть на Территории-2 такой городишко. Какого лешего нас туда понесло? В Загоренце тюрем нет, один научный институт. Я сперва вздумал, будто меня тащат на исследование — как-никак, камешки собирать я умею, а это зовется паранормальными способностями. Но тут же сообразил, что вряд ли. Откуда им про это знать? Неоткуда.

Едем мы час, другой. Может, и меньше, да время уж больно долго тянулось. И вдруг — трах-ба-бах! — взрыв, удар, броневик наш развернулся и стал, накренившись. Снаружи пальба, крики. Я — на пол; закатился под лавочку,

жду, что дальше будет. Охрана моя ринулась наружу. Тут-то их и подстрелили, оба полегли. Я не стал за ними торопиться.

Затем в кузов ввалились два здоровенных бугая, выволокли меня на свет божий и хотели затолкать в свою машину. И знаете, до того мне сделалось обидно! В Травене сполна хлебнул веселой жизни, а тут опять надо мной изгаляются. Оглянулся я кругом, вижу — шоссе, за ним — лес. Вывернулся, да и задал стрекача. А бегаю я быстро, можете поверить.

Счастье, что после Травена ребра целы остались — иначе бы не уйти. В погоню кинулись четверо, и все крепкие мужики, тренированные. А я из травенского казенного дома, где всех упражнений — драки с сокамерниками да прогулки в тюремном дворе. Чуть не сдох. Кончилось тем, что без памяти рухнул в каком-то болоте и провалялся до самого вечера, пока не заглодало. Зато когда оклемался, мои горе-похитители уже убрались восвояси.

Признаюсь, я даже загордился. Лен Техада — ценная персона, раз его хотели умыкнуть такие могучие дяди. Однако по уши в торфяной жиже сильно не зазнаешься, поэтому я вылез из болота, выкрутил тюремную одежду, сориентировался по закатному солнцу и подался на северо-запад. Граница двух Территорий находилась на западе, но

я предпочел не полениться и сделать изрядный крюк. Не лежала душа снова встретить тех дядь.

Чтобы добраться до Территории-1, особой хитрости не потребовалось — лишь немного удачи. Границу я пересек в машине министерства иностранных дел; правда, в багажном отделении.

А рвался на Первую вот почему. Вы, может быть, знаете, как на Кристине все устроено. Освоенная зона поделена на две части, которые разнятся политическим режимом. На Территории-2 он более жесткий, и в последние годы либеральная Первая не желает с Травеном знаться. У них даже договора о выдаче преступников нет, что меня и прельстило. А кроме того, я сам родом из Летного, с Первой, и в Летном живет моя тетушка Марион. К ней-то я и направился.

Женщины и кошки — мои друзья. Не знаю, как бы я без них выжил. Ну, без кошек продержался бы, но без женщин бы точно хана. Дело в том, что я добирался в Летный автостопом, и «голосовал» только женщинам. Удивительный народ. Каждый день по видео их накачивают: будьте бдительны и не сажайте случайных попугачиков. Ни в коем случае. Никогда. Ни за что. А тут — я на обочине: замурзанный и запыленный, в желтой майке и рабочих штанах, которыми разжился на свиноферме. И женщины останавливаются, улыбаются и везут, куда мне надо.

Так я и въехал в Летный — на громадном «адъютанте», на котором впору королям разъезжать. Моя шоферица не поленилась узнать адрес Марион Техада и по своей доброте вывезла меня снова за город. Оказалось, тетушка проживает на Морском шоссе, 2485, а это очень далеко от центра.

Я чмокнул благодетельницу в щеку и высадился у широченных ворот. Если бы «адъютант» занесло на мокром покрытии и он пошел боком, все равно бы в эти ворота вписался. А коли не сумел бы, то снес их вместе с оградой, потому как ограждение вокруг теткиных владений точно пауки сплели. Черное металлическое кружево, в котором блестят золоченые цветы и серебряные листья. Красиво. Здорово, что тетушка богата.

Надавил я кнопку вызова, поглядел в глазок видеокамеры и стал ждать.

Я уже говорил, что люблю женщин и кошек. А собак и мужчин — нет. Не получается у нас взаимопонимания. Собаки, вероятно, чувят во мне кота и норовят загрызть, а мужики... Уж не знаю, что они чувствуют, но едва ли не у каждого появляется желание набить мне морду.

Вот и сейчас. Из глубин парка на рысях вышли два пегих кабысдоха. И такой хай подняли! Уж они на меня ругались, они на ограду бросались

— жуть. Лают, хрипят, слюной брызжут... А следом за ними выезжает к воротам черный «эскорт» с зеркальными стеклами и напротив меня останавливается. Стоит и молчит, никто не выходит. Я тоже стою, а по коже мурашки ползают. Потому что из-за тех стекол не глаза человеческие смотрят, а прямо-таки стволы боевых излучателей.

Наконец дверца «эскорта» открылась, и вылез мужик размером с элеватор. Плечищи — во! Взлетные площадки впору оборудовать. Собаки заливаются, совсем охрипли. Он дал им пинка, отогнал, и они, слава Богу, заткнулись. Но — наготове, шерсть вздыбили, клыки скалят.

— Ленвар Техада, — говорит мужичище. Голос у него оказался негромкий, без встроенного мегафона.

Сердце мое ухнулось в желудок, побарахталось и поднялось обратно.

— Секьюрити, — отозвался я. Мол, ты меня знаешь, но и я про тебя угадал.

Он скроил недовольную рожу.

— Увы, — говорит, — не секьюрити. Иначе на порог бы тебя не пустил. Давай, заваливай, — он с дистанционника открыл ворота.

Псы дернулись было, но мужичище саданул одного под брюхо, рывкнул, и они убрались в кусты и забурчали оттуда с тихой злобой.

Подошел я к «эскорту», с виду —

воплощенное смирение. Давно замечено, что коли нос не задирать, то мужики кривятся, но в драку немедля не лезут.

Секьюрити — не секьюрити, хозяин — не хозяин облокотился о свой мобиль. «Эскорт» накренился.

— У тебя, парень, совесть есть?

Я охлопал себя, словно в поисках.

— Это маленькое такое, сморщенное? Дома под кровать закатилось. Я потом принесу.

Он скроил новую рожу.

— Не балагань. Зэчина беглый. Ты сознаешь, какую тень бросаешь на порядочный дом? Марион из-за тебя...

— Хотите меня сдать властям?

Третья рожа, краше первых двух. Мимика у него богатейшая.

— Местная власть — это я. Шериф Пятого округа к вашим услугам.

Точно! Такой монументальный мужичище может быть только шерифом. Воплощение силы, власти и незыблемого порядка. Я повеселел.

— Договор о выдаче преступников еще не подписан? И не скоро будет, дай Бог здоровья тамошнему диктатору. А в этой свободной стране я — свободный человек.

— Ты наглая тварь. Вынуждаешь Марион приютить беглого рецидивиста.

— Вы... вы... — От внезапной, дурацкой, неуместной обиды все слова где-то затерялись. — Это неправда. Я сидел в первый раз и... и вообще никого не убивал.

— Ах ты невинная овечка.

— Не убивал!

Нервишки у меня разгулялись, голос дрогнул. Понимаете, за последние пять лет жизнь меня изрядно потрепала, лиха я хватил с избытком. А под конец ни за что ни про что угодил за решетку. Клянусь, я невиновен. Ну, разве мог я убить молодую красивую женщину? Просто так, за здорово живешь — подвалил к незнакомке и прикончил. Полнейший бред!

Шериф кривил губы и шурился.

— Скажи-ка, невинный младенец... — Его голос, и без того негромкий, упал до шепота. — Что было... — Дальше я не расслышал.

— Не понял. Как?

— Ты издали увидел... — Опять не разобрать концовки.

— Послушайте, наверно, я оглох. Что увидел?

— Почему ты прыгнул...

Наконец дошло, что он делает. Я с этим познакомился во время следствия. Подозреваемому дают слушать запись всяких слов, и среди прочих есть такие, что напрямую связаны с преступлением. Например, «нож», «алмаз», «гараж». Запись

тихая-тихая, поначалу ничего не разберешь, но понемногу делается громче. А у тебя задание — повторять слова, которые расслышал. Подлая такая штука. Тот, кто виновен, в первую очередь слышит про нож, которым он зарезал жертву, про гараж, в котором ее запрятал, и так далее. А невиновный, наоборот, не слышит. Причем долго не слышит, посторонние слова уж давно повторяет, а эти, проклятые, мозг не желает воспринимать, отгораживается. Вот и я никак не мог врубиться, что шериф бормочет. По-моему, доказательства надежней нет, но в Травене сочли иначе. И мой собеседник тоже глядел очень кисло, корчил рожи одна другой замечательнее.

В кустах вдруг послышался громкий писк. Не там, где засели злобные барбосы, а к нам поближе. Я обернулся. Над травой показался черный сучок, который с воплями торопился к аллее. Он выбрался на открытое место и оказался котенком с задраным хвостом. Зверь порскнул мне под ноги, вскарабкался по штанине и двинулся было вверх по майке, но я его перехватил.

— Ты что затеял? Я не дерево.

Котенок заглушил свой пронзительный писк и замурлыкал. Точь-в-точь моторчик включил. Кроха — в ладони двоих таких можно поместить; и тощий, пыльный — совсем как я. Уродец: мордаха страшная, уши большие, весь черный, как чертенок,

но ласковый. Поднялся на задние лапы, передними мне в грудь уперся и принялся тереться об меня башкой. Хрюндель эдакий. Я погладил его и посмотрел на шерифа.

— Ишь, нашел родственную душу, — проворчал он. Котенок решил дело. — Ладно, черт с тобой. Залазь. — Шериф уселся на водительское место.

Мы с Хрюндедем поместились рядом, «эсорт» тронул с места и покатил по аллее.

Парк у тетушки большой. Астрономическая зима была в разгаре, но Летный построен в теплом поясе, и времена года в нем отличишь едва-едва — все зелено, вечно цветет.

«Эсорт» выкатился на площадку. Шериф бросил на меня угрюмый взгляд, скривился, хрюкнул и подрулил к ступеням, которые вели к дому на холме. Дом у тетки точно дворец. Серо-голубой камень стен, белые полуколонны, стрельчатые окна, террасы, висячие сады, фонтаны... И тетушка Марион, которая сбегает по ступеням.

Последний раз я видел ее лет десять назад, когда она приезжала в интернат меня навестить. Ей-богу, она ничуть не изменилась. Не знай я, что ей сорок один, принял бы за ровесницу.

Я вылез из машины. Тетушка бежала, раскинув руки, над площадкой звенел цокот

каблучков. Малахитовая Марион: зеленый костюм, темные локоны.

Я ожидал, что она с разгону кинется на шею, однако тетушка остановилась, крепко взяла меня за плечи и вгляделась в лицо. Выдохнула:

— Как ты похож на отца...

Подошел шериф, оттопырив нижнюю губу.

— Вот тебе твой рецидивист. С довеском.

Он снял у меня с плеча Хрюнделя, который сейчас же пронзительно запищал и задержал лапами. Шериф посадил его обратно. Котенок ощутимо впился коготками и включил свой моторчик.

— Кристи, он безумно похож на отца! — изумленно повторила тетушка.

— А по-моему, ничуть, — возразил я. Насколько мне помнилось, отец был сероглазый и темноволосый, широкий в кости, кряжистый. Допустим, воспоминания раннего детства — штука скользкая, но не настолько же.

— Потом. Потом расскажу. Ленвар... — тетушкины пальцы коснулись моей щеки, в темных глазах блеснули слезинки. — Лен. Господи, ну вылитый отец!

— Нашла, чем умиляться! — буркнул шериф Кристи и скривился, будто уксусу глотнул. — Я отгоню машину, — он забрался в «эсорт» и отчалил.

Сразу стало легче дышать.

— Тетя, это ваш муж? — полюбопытствовал я.

Марион засмеялась — задорно, звонко, точно рассыпала серебряные бубенцы.

— Кристи — старый друг. Если хочешь знать, он был моим первым любовником.

— Вы разлюбили его, потому что он корчит рожи?

— Глупый мальчишка! Я его за это полюбила. — Тетушка обняла меня за пояс и повела вверх по лестнице. — У меня гости; пойдем, я тебя представлю. И покормить надо.

Я сглотнул голодную слюну, но попросился сначала в душ. Затем осведомился, не найдется ли какой одежды поприличней — нельзя же являться обществу в пыльной майке и рабочих штанах со свинофермы. Марион снова закатилась своим серебряным смехом и обещала экипировать по высшему разряду.

На пороге дома я оглянулся. Широкая лестница и площадка внизу были пусты. Площадку окаймлял живой хрусталь фонтанов, а дальше расстилался парк. Сочная зелень, бело-розовая кипень цветения, и надо всем — глубокое синее небо. Хорошо быть свободным и богатым в свободной и богатой стране.

Мы прошли в вестибюль. Тихо и

величественно. Стены возносились к прозрачному куполу, их опоясывали галереи, и повсюду множество окон, зеркал, витражей. Роскошь заметно давила — мы с Хрюнделем сразу ощутили себя тощей пыльной мелюзгой. Котенок притих на плече и тыкался холодным носом мне в шею.

— Тетя, как стать владельцем подобного дворца?

— Тебе, мой мальчик, это не светит. Тут главное — занять богатого любовника.

— А если любовницу?

— Что ты! Она приберет тебя с потрохами, но не подарит ничего, чем можно пользоваться одному, без нее. Женщины — такие стервы...

— Бог с вами, тетя! Я не соглашусь.

— Ты мало знаешь жизнь, — объявила Марион, направляясь в лифт и по-прежнему обнимая меня за пояс. Было неловко: она такая красивая, чистая, а мы с Хрюнделем — два чучела. Поднялись на второй этаж. — Комнаты для гостей — в правом крыле. — При этом мы повернули налево. — Сейчас подберем тебе одежду. Только не смейся над причудами своей старой тетки.

Я вытянул шею и заозирался.

— В каком месте моя старая тетка? Куда вы упрятали бедную старушку?!

Марион захохотала.

— Ленни, ты чудо! Жаль, твоя мать мне

родная сестра.

— Еще как жаль, — подтвердил я с важным видом. — А то б мы с вами — ого-го-го!

Тетушка взвизгнула. Остановилась, схватила меня за уши, заставила нагнуть голову и с хохотом чмокнула в подбородок. Хрюндель чуть не свалился, впился когтями, и я заорал. Моя веселая тетка едва не вывернулась наизнанку от смеха.

Коридор, по которому мы шагали, был в красно-коричневых тонах, полон зеркал, золота и хрусталя. Длинной не меньше километра.

— Ну вот, — тетушка толкнула какую-то дверь, — приши.

Первое, что бросилось в глаза — витраж в окне. Золотисто-коричневый, просвеченный солнцем. Дорогая работа. Но поскольку то был портрет мужика в полный рост, я тут же потерял к нему интерес и оглядел комнату. Мебель «под старину»: громадный шкаф красного дерева, столик на гнутых ножках, широченная тахта. И еще бюст из черного агата на постаменте. Приглядевшись, я узнал шерифа Кристи. Брови насуплены, губы поджаты, но рожей я бы это не назвал — так, выражение лица.

Тетушка распахнула шкаф. Я ожидал увидеть какие-нибудь средневековые костюмы и роскошные бальные платья на вешалках — но нет. Там оказались полки, на которых стопками лежала

обычная одежда и разные другие вещи: коробки, сумочки, шкатулки, свертки.

— Экая громадина — и полупустой. Почему?

— Еще не заполнился. — Марион задумчиво озирала хранилище. — Дай-ка сообразить... Одежда Кристи тебе ни к чему. От Рингольда тоже не подходит — он был размера на два крупней. Может, Адама? Но он ростом невеличка... Что хихикаешь? У меня было шесть любовников. Разве легко с лету разобраться?

Тут я непристойно заржал.

— Тетя! Поимев любовника, вы его выгоняли нагишом?

— Пошляк, — передернула она плечами. — Если б они сочиняли стихи, дарили милые сердцу мелочи и безделушки — я бы хранила. А так что с них возьмешь? Только и остается — штаны в шкафу держать.

— Ну, тетушка... Вольно ж вам таких выбирать.

— Настоящие мужчины перевелись. Вот разве Кристи остался. И как будто еще один, но я не уверена, — малахитовая Марион бросила на меня испытующий взгляд. — Что ежишься? Седьмым любовником не возьму — как-никак, ты мне родной племянник.

— Мы и не напрашивались, — я отвернулся.

Взгляд снова упал на витраж. Прямо на меня

смотрели карие глаза, словно темный янтарь; светлые волосы растрепало ветром... Надо понимать, один из когорты фаворитов. Я неожиданно разозлился.

— А вот его барахла мне точно не надо.

Тетка улыбнулась с тонким лукавством.

— Это твой отец.

У меня челюсть мало не брякнулась на пол; несколько мгновений я изображал вытащенную из воды рыбину. Марион закатилась хохотом.

— Правда-правда! Ты же ничего не знаешь. Арабелла...

— Я не уверен, что хочу знать.

Тетушка примолкла.

— Ленни, Ленни... — Она со вздохом погладила меня по голой руке. — О твоей матери я ни слова дурного не скажу. Я-то знаю, как она любила Ленвара... Назвала тебя его именем, а фамилию дала свою. Ведь ты Техада, как мы все, а не Клэрэнс. За Александра Клэрэнса она вышла позже.

Я не был готов выслушивать семейные предания.

— Тетушка, простите, я невежлив. Но нельзя ли сначала одежду, душ и еду? И молоко для Хрюнделя.

— Сам ты Хрюндель, — Марион надулась. — А еще ты попрошайка, пролот и эгоист.

— Мне уйти? — Я тоже обиделся. Не оттого, что она обзывалась, а потому, что была отчасти права. И шериф Кристи, кстати, читал нотации по делу: сбежав из тюрьмы и явившись к тетке, я и впрямь ей подложил отменную свинью.

Марион поворошила одежду на полках и вытащила нечто из коричневой замши.

— Это осталось от Дэви, — она встряхнула штаны. — Дай-ка прикину... Как на тебя сшито — будет в самый раз. Вот еще жилетка, и была рубашка в тон... и ремень... Ага. — Перечисленное было извлечено из шкафа и выложено на тахту. — Жаль, обувь я не собираю. Ну, не беда, свои ботинки почистишь.

Я не удержался:

— Тетя, а те дамские сумочки да шкатулки — они тоже от любовников? Или от любовниц?

Марион фыркнула.

— Не будь ты мне родной племянник, сейчас бы схлопотал! Это вещи Арабеллы. Если будешь примерно себя вести, разрешу посмотреть.

Уже семнадцать лет, как матери нет в живых. Я невольно протянул руку, чтобы коснуться сумочки, которую она носила, шкатулки, которую открывала... Дальше произошло необъяснимое. Хрюндель зашипел и кубарем скатился вниз, шкаф качнулся перед глазами, а руки сами рванулись на полку, сгребли все, что там было, и швырнули на

пол. Марион вскрикнула. Упав на колени, я кинулся на раскатившиеся вещи, не то перебирая их, не то разбрасывая. В стороны полетели коробки, тряпки, нитки, рассыпались и застучали по паркету бусы, что-то рвалось и ломалось... Наконец! Вот оно! Я зажал в кулаке сокровище — то, чей зов услышал и не смог устоять.

Раскрыл ладонь и глянул. Темный полированный камень в форме сердечка с просверленной дыркой и продернутым шнурком. Я не знал такого минерала. Камень лежал на ладони тихий, молчаливый, словно не он только что звал меня, сводил с ума своим криком. Кожу будто поглаживали теплым бархатом. Я поднял глаза на тетушку.

— Простите.

Марион стояла с открытым ртом, прижимая руки к груди.

— Лен! — только и смогла она вымолвить.

— Простите. — Я был готов сквозь землю провалиться. Вернее, сквозь паркет. — Сейчас все соберу.

— Т-ты... одержим б-бесами?

— Ну да, — заявил я, приободряясь. — В меня регулярно вселяется Бес Солнечного Зайца. Каждый вечер в пятницу и по утрам в понедельник.

— Трепло несчастное! — нервно всхлипнула перепуганная тетка. — Сейчас же сложи все, как

было.

Марион принялась сама подбирать и закидывать вещи в шкаф. Я помогал. Хрюндель выбрался из-под тахты, вскарабкался по мне и вздумал было разместиться на загровке, но я сунул его под майку, на живот; там он и затих.

— Уф-ф. Напугал до чертиков, — шумно выдохнула тетушка, закрывая дверцы. — Больше так не шути.

Я вытащил из кармана камень на шнурке.

— Что это?

Она задумалась.

— Арабелла называла его как-то хитро... Элитный... что-то элитное.

Я порылся в памяти.

— Такого названия нет. Может, элеолит? Но этот слишком темный.

— Вот крупнейший спец по минералам! — фыркнула тетка. — Вывернул шкаф и пререкается! Забирай одежду и марш в душ.

Я сунул находку в карман и поднял с тахты костюм неведомого Дэви. Замша была мягкая, приятная на ощупь. С порога я оглянулся на витраж. Человек, которого Марион называла моим отцом, глядел мне прямо в душу; льющийся сквозь него свет наполнял комнату прозрачным золотом. Я посмотрел на шкаф с сувенирами, на черный бюст шерифа. Что делает в теткинском хранилище тот,

кого любила моя мать?

— Почему этот витраж здесь?

Марион потупилась, затем упрямо вскинула взгляд.

— Собственно говоря, мне стыдиться нечего. Я тоже была влюблена в Ленвара. В мои-то шестнадцать лет! Но между нами ничего не было. К сожалению. — Она повернулась и упругим шагом двинулась по коридору. — Пойдем, покажу твою комнату.

— Тетя, — догнал я ее. — Как долго вы согласны терпеть у себя мою наглуую персону?

Она повернула голову и с неожиданной печалью улыбнулась.

— Всю жизнь.

Новая берлога оказалась скромной, без излишеств. Окна выходили на заднюю сторону холма, на котором стоял дворец Марион Техада. Горизонт закрывал другой холм, на нем высились еще более роскошные хоромы. Почтенные соседи будут шокированы тем, что у них под боком объявился беглый зэк. Может, не догадаются? Если я назовусь другим именем... Мечты. Процесс был громкий, моя личность наверняка примелькалась на экранах обеих Территорий. Узнают.

Я вытащил из-под майки Хрюнделя и понес в ванную. Он урчал своим моторчиком до последней секунды, пока не очутился под струей воды. Тогда

он задергался и попытался укусить руку, пытающуюся его утопить, но кусался не больно — жалел. Я его тщательно прополоскал и вытер, а затем посадил на коврик-грелку. Черный скелетик с ушами; он даже вылизываться еще не умел.

Котенок смотрел на меня с укоризной и горестно потряхивал лапами. И всем своим видом восклицал: «Нет на белом свете горемыки несчастнее меня!»

— Врешь, бродяга, — сказал я ему. — Не случилось тебе побывать Солнечным Зайчиком — вот и не смыслишь в жизни.

И уж совсем было собрался под душ... И тут вдруг меня скрутило и швырнуло на пол рядом с Хрюндедем. В глазах потемнело, чем-то тюкнуло в висок, раздался вопль придавленного котенка. Я вслепую откатился, нащупал что-то на полу и судорожно сжал пальцы. Так же внезапно все кончилось.

Я приподнялся, потряс головой. Рядом всхлипывал Хрюндель. Я подцепил его под брюшко, осмотрел и снова положил на коврик. Он тут же заковылял ко мне, подволакивая заднюю лапу. Бедолага... Совсем я, что ли, психом стал? Припадочный. Разжал стиснутый кулак, увидел темное полированное сердечко. Ах, это ты, приятель! Выскочил, стало быть, из кармана брошенных в угол штанов и выделяешься.

— Еще один такой фокус — и выкину к чертовой матери, — пригрозил я, словно каменюка мог услышать.

Он молчал — тихий, теплый. Я положил его на пол и отвел руку. Недалеко, сантиметров на пять. В кончиках пальцев засвербело: они просились обратно к камню. Не вставая с колен, я отодвинулся, откинулся назад, еще... Хх-а! Меня швырнуло мордой вниз. Ума не приложу, как не покалечился.

Хрюндель шипел, выгибал спину, пушил хвост. Смех да и только: даже распушенный, хвост у него не толще пальца.

— Ну, что разошелся? — укорил я его. — Видишь, камень зловредный попался. Элитный называется.

Котенок утих и потерял ушастой башкой о мое колено. Включил моторчик — того и гляди выпустит пропеллер и взлетит.

— Понимаешь, — объяснил я, — у тебя есть лапы, а у камня нет. Поэтому ты можешь сам ко мне подгрести, а ему никак. Но хочется — вот он и зовет, чтоб его взяли; и шнурок приготовил, чтобы на шее висеть. Это амулет. Элитный талисман.

Хрюндель самозабвенно урчал, а я повесил талисман на шею и залез под душ. Бедный кошак! С ним сделалась истерика. Он орал как резаный и порывался сигануть под воду вслед за мной. В

общем, испортил все удовольствие, и пришлось быстро закруглиться, пока он не насадился от воплей. Одно слово — Хрюндель.

Облачился я в шикарную коричневую замшу, пристроил котенка на плече и двинулся искать тетушку. Миновал красно-золотой, с хрусталем, коридор, спустился по лестнице из мраморного оникса. Забавное ощущение — ступеньки под ногами будто пружинили. И было очень красиво: одетый в бронзу перил белый камень с полосками кремовых, желтых и розовых тонов.

— И все-таки я бы не стал держать это животное в доме, — донесся голос Кристи. Шериф находился где-то неподалеку. — Он может быть опасен.

Что? Мой Хрюндель опасен?!

— Брось. Он совершенно безобидный мальчишка, — отозвалась моя тетка.

Я нырнул под лестницу и притаился. Никак речь обо мне?

— Марион, ты уже не девочка; я не могу стукнуть кулаком по столу и сказать: не позволю!

— Вот именно, — запальчиво подхватила моя тетка. — Уж лучше...

— Считай, повезло, что он расправился не с тобой, а с другой женщиной, — гнул свое шериф.

— Кристи, ты невозможен! Мы вместе смотрели весь процесс.

— И что с того?

— Ты забыл? Он же так кричал, что невиновен! Мне его крик ночами снился. Пойми, это нельзя сыграть. Вспомни: его показывали крупным планом... Кристи, я не верю! Так себя вести мог только невиновный. Да вспомни же — эта его растерянность, потрясенность... Подумай: ты сам имеешь дело с преступниками. С грабителями, насильниками, убийцами. Он же совсем не такой!

— Твою бы пламенную речь — да в зал суда. Его вина была доказана.

— Какое мне дело? Свидетелей можно купить, улики подтасовать. Я бы поверила, если бы ты лично вел следствие. А то — Вторая Территория, диктаторский режим. Они малых детей могут казнить.

— Марион, не глупи. Экспертиза показала...

— Наплевать! — взвилась моя тетка. — Я знаю, что он невиновен, вот и весь сказ! И не позволю, чтоб сын Арабеллы...

— ...и того проходимца, — вставил шериф.

Раздалась звонкая пощечина. Молчание, и затем тетушкин голос:

— Кристи, есть вещи, недоступные мужскому уму. Однако извини, я погорячилась.

— Марион, — с горечью выговорил он. — Девочка моя, я всю жизнь любил одну тебя. А ты

всю жизнь любила Ленвара. И сейчас, когда объявился второй Ленвар, ничего не хочешь слушать и понимать. Дело твое; поступай, как знаешь. Привечай его, люби, хоть спи с ним. Но я тебя предупредил. — Голос шерифа приблизился.

Я поспешно выскользнул из-под лестницы и убрался на второй этаж. Не хватало, чтобы меня застукали.

Через пять минут я как ни в чем не бывало спустился и нашел их в гостиной, где в маленьком бассейне плавали золотые рыбки. Шериф глянул усталыми, тусклыми глазами, потер квадратный подбородок.

— Ну, все слышал? Где ты хоронился? А, к черту. Живи — теперь ты здесь король. — Он поднялся с дивана, прощально коснулся тетушкиного плеча и ушел.

Марион сжалась в кресле, прикусила губу. Вот-вот заплачет. Я снял Хрюнделя с плеча, посадил ей на колени и придержал за спинку, чтобы не удрал. Котенок заурчал; тетушка машинально почесала его за ухом. Усевшись на ковер, я заглянул в ее сумрачное лицо.

— Тетя, до меня и впрямь долетели обрывки разговора...

— Вздор, — отрезала Марион. — Кристи чудятся проблемы там, где их нет. Забудь.

— Не могу. Если хотите, я сегодня же...

— Никуда не поедешь! — перебила она, угадав недосказанное. — С Кристи я помирюсь, куда он денется? А ты останешься здесь. Лен... — она с нежностью улыбнулась и провела пальцами мне по щекам. — Ленни.

Легкие, теплые пальцы. И чудная тетушка, уверенная в невинности человека, которого не видела полтора десятка лет. Я благодарно ткнулся лицом ей в колени и замурыкал:

— Ур-р-рх... ур-р-рх...

Она закатилась своим серебристым бубенцовым смехом.

— Ленни, твоя тетка — дура! Надо же было слушать бредни!

— Какие бредни?

— Милейшего Кристи. После смерти Арабеллы я хотела взять тебя к себе, а он заставил отдать в интернат... Ох, глупая была! Хочешь, расскажу про Ленвара-старшего?

— И про еду, — напомнил я.

Тетка щелкнула меня по макушке, вызвала горничную и попросила принести «набор номер три».

— Это подается мужчине на второй завтрак, — пояснила она для несведущих.

Набор оказался хорош, но не рассчитан на Хрюнделя; пришлось отдать ему сливки, которые полагались мне в кофе.

Марион растянулась на диване, подперла голову и смотрела, как я ем. В темных глазах появился задорный блеск.

— Кристи обзывает Ленвара проходимцем, но на самом деле он — промелькнувшая звезда. Это правда: для нас с Арабеллой он был «сошедший со звезд». Мы обе потеряли голову. Однако ей было двадцать два, а мне — семнадцать... Ленвар меня едва замечал.

— Что он был за человек? — вяло поинтересовался я, куда больше внимания отдав копченой рыбе.

— Понятия не имею. Втюрилась же по уши! Он казался самым веселым, добрым, щедрым, великодушным... самым красивым и мужественным.

— А на деле? Порезвился и свалил, оставив женщину с младенцем на руках?

Марион сердито фыркнула.

— Не болтай ерунды. Он и знать не знал, что будет ребенок.

— То есть не дождался? Пронесся звездой на небосклоне и сделал ноги? Недели не прошло, как соблазнил девицу — а уж и след простыл.

— Не смей так говорить о своей матери!

— Я не о матери, а о Ленваре-старшем. Козел эдакий. — Меня зло взяло; ей-богу, я б с папашей разобрался, если б встретил.

Тетка гневно посверкала глазами. И затем улыбнулась.

— Самое смешное — ты попал в точку. Он и впрямь уехал через шесть дней.

— Замечательно. — Я отложил нож и вилку, весомо брякнув по чеканному подносу. — Вот что, тетя: отцом мне был Александр Клэрэнс, который растил меня шесть лет. И никого другого я не знаю. Не разделяю ваших восторгов по поводу промелькнувшей звезды и слышать о нем больше не хочу. Все!

Вылакавший сливки Хрюндель полез было в тарелку с копченой рыбой, но я его отогнал: мешать сливки с копченостями — последнее дело.

Марион долго молчала, покусывая палец.

— Лен, а ты помнишь, как они погибли? — выговорила она осторожно. — Арабелла и Алекс.

Я отрицательно покачал головой.

— Расскажите.

— Лучше не надо. Такой ужас...

— Тетя, мне двадцать три года. Вы могли бы щадить ребенка, но теперь-то — чего уж?

Марион свернулась на диване в уютный клубок. Зеленый костюм обтянул красивые бедра и коленки.

— Ну, если настаиваешь... Я тогда жила у Кристи, а вы — в доме, который купил Алекс. И бабушка с вами — наша с Арабеллой мать. Вы

жили на берегу озера, считай — в лесу. Алекс работал лесным смотрителем. Там есть глухие места, и в них селился разный сброд. Может, Алекс кого обидел, кто-то зло затаил. Или маньяк забрел. Скорее всего, маньяк. Он вломился в дом и... — Тетушка сглотнула, словно в горле встал ком. — Он убил Арабеллу ударом о стену. Так швырнул ее... кровавое пятно осталось в полстены. И Алекса... Размозжил голову светильником. Был у вас такой — напольный, на каменной подставке. Силища на это нужна немереная.

— А я?

— Тебя искали несколько часов. Нашли далеко в лесу. Ты видел все — и маньяка, и как он расправлялся с родителями. Но от потрясения ничего не помнил.

— Откуда известно, что я видел?

Тетка замаялась и неохотно пояснила:

— На одежде остались кровавые брызги. Значит, ты находился рядом. В полиции говорили: надо попытаться снять амнезию, чтоб ты смог описать убийцу. Кристи очень настаивал. А я уперлась и не позволила. Пожалела тебя. Такая психическая травма...

— Спасибо. Надеюсь, его поймали?

— Не смогли.

— А новые убийства были?

— Нет. Он исчез. Вероятно, удрал с места

преступления и помчал через лес. А там болотца с окошками; он мог провалиться. Да его и не искали толком: собаки не взяли след. А когда привезли какой-то особо точный анализатор, в доме уже куча народу перебивала — полиция, соседи. Прибор тоже ничем не помог.

— Вы сказали, с нами жила бабушка. Что с ней?

— Мама сошла с ума. Он ударил ее; не так уж сильно, она просто упала и потеряла сознание. Но когда очнулась... бредила два дня, а потом умерла. Не от раны: сердце остановилось. Не спасли. — Тетушка отерла со щеки слезу.

Помолчав, я спросил:

— Так почему же вы не оставили меня у себя?

— Кристи был против. Я его тогда очень любила... и уступала во всем. Он был сильный, умный. Мечтал, чтоб мы поженились, хотел ребенка. Он мужик с головой и понимал, что если я возьму тебя, второго уже не рожу. А я все равно не родила ему никого. Не простила, что он заставил отдать тебя в интернат.

— Тетя, сознаюсь: я гнусный тип и подслушивал под дверь. Кристи убежден, будто я непременно должен кого-то убить — вас или другую женщину. Он не считал, что в дом на озере явилась промелькнувшая звезда? Что Ленвар-старший всех порешил, а я пойду по его

стопам и тоже стану крошить женщин в капусту?

Марион хихикнула.

— Кристи много чего считал. Мужчины — до того забавный народ! Самые многомудрые, сообразительные, догадливые — а как послушаешь, животик надорвешь. Таковую порют чушь!

— Это комплимент? Спасибо.

Тетка закатилась смехом.

— Ленни, я тобой горжусь. Ты — истинный Техада. Пойдем, познакомишься с гостями, — она поднялась с дивана.

Мы вышли из дворца и по лестнице спустились на площадку по другую сторону холма. Здесь не журчали фонтаны, а молчаливо стояли белые статуи, похожие на превращенных в камень часовых. Пройдя по аллее меж цветущих кустов, мы с Марион оказались на краю ухоженного лужка.

Над лужком звенел визг и истерический хохот, и трое человек ползали на карачках.

Глава 2

Тетушка всплеснула руками и помчалась, спеша принять участие в общем веселье. Поправив на плече Хрюнделя, я зашагал следом.

На лужке были расставлены столики и стулья; один столик валялся опрокинутый. Несколько дам топтались вокруг, трое мужиков ползали, что-то

вынюхивая в траве, и прямо на земле сидела девушка, которая раскачивалась, взвизгивала и заходилась хохотом. Марион подбежала к роскошной блондинке, невозмутимо восседавшей за столом.

— Ирена! Что тут у вас?!

— Юлька рассыпала колье, — отозвалась та. — Ведется поиск.

Мы с Хрюндедем подошли. Поздоровавшись с белокурой Иреной, я осведомился:

— Что за колье?

— А вот. Остатки.

На столе перед Иреной лежало порванное ожерелье из аквамарина. Оправленные в платину камни были разноцветные: что помельче — зеленовато-голубые, а крупные каплевидные подвески — глубокой небесной синевы. Я провел над камнями рукой. Холодные, игольчатые; на ладонь будто налетела снежная крупа, почти как от изумруда.

— Много рассыпалось? — спросила тетушка.

— Что с возу упало, то пропало, — философски заметила Ирена. — Жаль, конечно; мы с Юлькой только вчера купили. Хотя ей-то горя мало. Видите, как веселится?

— Не погубите камни, — сказал я. — Под действием солнечного света аквамарин бледнеет.

Красавица поглядела на меня с интересом.

— Вы разбираетесь в этом, молодой человек?

— Немного. Сейчас я их соберу, — вызвался я сдуру.

Ирена откинула за спину роскошные кудри, недоверчиво изогнув бровь. Марион сделала таинственное лицо и проговорила страшным шепотом:

— В него вселился Бес Солнечного Зайца. Прячься!

— Сдается мне, в него вселилось хвастовство, — усмехнулась Ирена.

Надо было держать марку. Миновав хохотавшую девушку, я вломился в толпу занятых поисками дам и господ.

— Па-апрашу р-р-разойтись!

От такой наглости они оторопели. Ползавшие в траве мужики поднялись на ноги. Молодые, крепкие. Я им, естественно, пришелся не по нраву.

— Это еще что? — оскорбленно спросил один из молодчиков. Его белые брюки зазеленились на коленях. — Ты откуда выпал?

— Лен мой гость, — объявила тетушка. — Будьте добры не обижать. Сейчас он вам покажет, как должно собирать камни. Всем нос утрет! — Не разберешь, то ли тетка насмехается, то ли искренне верит моему обещанию.

Под недовольное бурчанье мужиков, под хохот и стоны Юльки я пополз по траве. Аквамарин

собрать — раз плюнуть. Камни встречали меня дружным салютом бодрящих холодных уколов, и чувствовал я их издалека. За пару минут набрал семь штук и поднялся.

— Думаю, больше нет. — Я подошел к еле унявшейся Юльке и протянул горсть кристаллов. — Берегите от солнца, они могут выцвести.

Ее серые глаза все еще смеялись. Она поправила темные, с рыжиной, волосы и подставила ладонь:

— Ссыпайте. Спасибо. А киску дадите?

Оказывается, Хрюндель всю дорогу продержался на своем посту.

— Попробую. — Я подал котенка, но Хрюндель издал отчаянный мяв, засучил лапами, оцарапал Юльку, вырвался и в мгновение ока взмыл мне на плечо.

— Говорила ж я вам! — вскричала Марион с самодовольством, как будто лично собрала весь урожай. — Недаром Лен — мой племянник.

Над лужком повисла тишина. Дамы и господа впились в меня взглядами и начали отодвигаться. Как же — беглый зэк! Убийца и душегуб.

— Ах вот оно что... — протянул плюгавый хмырь в военной форме и с украшенной серебряными накладками кобурой. Мода нынче на пороховое оружие. В армии даже додумались награждать таким особо отличившимся

офицеров. — Тогда понятно.

— Карлос! — вспылила тетка. — Что тебе понятно?

Военный поглядел на меня, как на жабу.

— Ясно, почему он такой наглый.

Началось: сейчас мужики возьмутся меня бить. Не больно я их боялся — и не таких на своем веку повидал — но не хотелось затевать драку в благодарность за тетушкино гостеприимство.

— Марион, как ты могла допустить?... — возмутилась какая-то сухопарая жердь. Порой случаются такие тетки — к сорока пяти превращаются в нечто бесполое и отвратное, и от общей обиды на жизнь полны яда, как змеиный зуб. — В твоём доме — беглый преступник! Ну, ты меня извини... Не ожидала. У-у-уй! — взвизгнула жердь: я протянул к ней руку. — Не трожь!

А я и не трогал — больно надо. Всего лишь проверил россыпь алмазов на плоской нецелованной груди: подозрительны мне показались эти камешки. Заодно угадал имя.

— Ваши бриллианты фальшивые, мадам Коринна.

Согласен: я повел себя недостойно. Тощая мымра выпучила глаза, побелела, покраснела, посинела и осталась с разинутой варежкой.

— Ленвар! — в голосе Марион прозвенела сталь. — Ты забываешься.

— Но тетя! — покаянно прижал я руки к груди. — Они вправду фальшивые — синтетика, дешевая имитация. Я думал, мадам неизвестно. Хотел помочь.

Первой покати́лась со смеху Юлька, за ней — белокурая Ирена. Марион тоже не подвела, и вскоре чуть не все гости уже держались за бока. Зато мужики стояли мрачнее тучи и несомненно готовились накостылять наглому обормоту по шеям. Пришла пора сматываться.

— Мое почтение, господа. Будьте здоровы.

Мы с Хрюнде́лем двинулись к аллее, по которой пришли сюда. За спиной хохотали женщины.

И вот, когда я уже совсем наладился покинуть лужок, из дальних кустов вырвались давешние кабысдохи. Огромные пегие твари, которые при виде меня взревели и, роняя с клыков пену, прибавили ходу.

— Фу! Назад! — крикнула Марион.

Шерифа Кристи на них не было! Признать за авторитет мою тетку эти драконы не желали. С ревом и лаем они мчали через луг, на мордах читалось намерение порвать мне глотку.

Раздался визг перепуганных женщин.

— Стоять! Лежать! Апорт! — заорал я.

Иногда такой серией разномастных команд можно сбить пса с толку, но здесь был не тот

случай. Барбосы решительно неслись меня загрызть.

Удирать от собаки нельзя: она бросится в погоню за дичью. Уж на что я резво бегаю, и то не рискнул припуститьсь. Забрался бы куда повыше — но деревья далеко; взлетел бы — крыльев нет. Ни камня под рукой, ни палки, столы и стулья остались позади.

Тогда я с отчаянья упал на четвереньки, оскалился от уха до уха, кошмарно зарычал и бросился на летевшего впереди кобелину. От неожиданности он сделал свечку и присел на задних лапах. Сука затормозила, взрыв когтями землю. Я — на них, с рычанием и жуткими воплями. Они — боком-боком, да в сторону. Скалятся, ворчат, но уже не столь грозно. Чтобы окончательно показать, кто отныне вожак в стае, я подхватился с земли и обеими руками вцепился кобелю в загривок. Он клацнул зубами у ноги, промахнулся, а я приподнял его, встряхнул — представляете, каким гигантом должен быть вожак, если способен оттрепать подобную махину? — и для пущей острастки добавил ботинком в пах. Пес взвыл и позорно бежал; его подруга бросилась следом.

На беду, с перепугу они рванули не в кусты, а на гостей. Ох, и крик поднялся! Отродясь такого не слышал. И вдруг — дулет и собачий визг. Гляжу:

кабысдохи валяются на земле, а Карлос — плюгавец в военной форме — опускает руку с пистолетом. С тем самым — наградным.

Настала полная тишина и неподвижность.

Я машинально проверил, на месте ли Хрюндель. Бедняга был чуть жив от ужаса, но держался крепко.

Потом с места тронулась Марион, подошла к собакам и опустилась на колени. Голова поникла, темные локоны струились вниз.

Не люблю песье племя; на дух не переношу. Но когда я приблизился к тетке и услышал, как скулит раненая сука, в горле встал ком.

— Ирма... — всхлипнула Марион. — Ирмочка, маленькая...

— Может, ее в клинику? — предложил я.

— Не успеем... Ирмочка! — Тетку затрясло.

Почему она сочла, что слишком поздно? Лично я бы попытался. Собака лежала на боку, на груди краснело мокрое пятно — однако псина была жива.

— Бедная моя... больно маленькой... Лен! — Марион схватила меня за руки. — Сделай что-нибудь!

Ирма засучила лапами и захрипела, из раны ударил красный фонтанчик.

— Господи... не могу... Пристрели ее! — взмолилась тетка. — Ей же больно! Ле-ен! —

закричала она страшно, словно умирала сама.

Я обернулся к гостям, обвел взглядом застывшие лица.

— Карлос! Пристрели собаку.

Военный не шелохнулся.

— Ирма, Ирмочка... — плакала Марион.

Собака дергалась и хрипела.

— Да кончайте ее, — нервно сказал кто-то из мужиков.

Карлос гадливо кривился и не трогался с места. С него стало пальнуть в удирающих от меня псин, но добить подранка духу не хватало. И за что этого уroda наградили оружием, хотел бы я знать.

— Дай пистолет.

Его пальцы судорожно сжались на рукояти.

— Дай сюда, говорю!

Молчание; только плачет моя жалостливая тетка. Я пошел к Карлосу. Шагал к военному через лужок, всей кожей чувствуя, как у него натягиваются нервы.

Он меня ненавидел; ненависть ясно читалась на морде. А я пер на него, вздернув подбородок и задрал нос, — то, чего делать нельзя: этому меня научили в Травене. Но мучительно умирала собака, и билась в истерике Марион, и я должен был положить этому конец.

Рука с пистолетом дрогнула.

— Не дури. Карлос!

Оружие вскинулось и уставилось мне в брюхо. Нервишки у военного ни к черту.

— Стоять! — хрипло каркнул он. Лицо посерело, над бровями заблестела испарина.

Я стал как вкопанный, молясь про себя, чтобы никто не дернулся и не завизжали тетки. Резкий звук или движение — и нервы у мужика сдадут: он всадит пулю мне в кишки. Нас разделяло метра три. Три метра низенькой, любовно взлелеянной газонной травки. Сейчас Лен Техада на ней поваляется...

— А-а-а-а!!! — заорал я как полоумный, бросаясь на землю.

Хлопнул выстрел. Перекатившись, я вскочил и зигзагом ринулся к Карлосу. Хотя эта предосторожность уже была лишней: стравив пар, он обмяк и уронил руку. Я вырвал пистолет и едва не треснул рукоятью по дурной башке; а что сказал, то повторять не буду.

Опомнившиеся мужики схватили Карлоса за локти — будто теперь в том был какой-то смысл! — а я бегом вернулся к собаке. Она еще хрипела, и рядом на коленях стояла Марион. Глаза у тетки остекленели, лицо стало землистым. Губы шевельнулись:

— Ленни...

Я сунул дуло в ухо Ирме и нажал курок. Пегая

голова дернулась.

Бросив пистолет на землю, я подобрал свалившегося Хрюнделя и ушел. Пускай дальше сами разбираются. Пусть военный объяснит, какой черт толкал его под руку, заставлял пулять в собак. И с какой стати он чуть не продырявил шкуру племяннику хозяйки. А я и словечка не молвлю ему в оправдание — дескать, Карлос не виноват, при виде Лена Техады мужики поголовно сходят с ума и норовят вцепиться ему в глотку. Ничего не скажу; пусть сам выкручивается.

Наутро я получил, как награду, официальное приглашение в дом Виктора и Ирены Вэр. Послала его Юлька, которая учтиво звала в гости Марион Техаду с семьей — читай, с племянником.

— Тетя, мы пойдем?

Марион подняла глаза от запотевшего бокала с соком. Мы завтракали в комнате, больше всего похожей на будуар. Здесь все было в кружевах: кружевной оникс каменных плит на полу, резные панели розового дерева на стенах, шелковое плетение скатерти и занавесок. Вид у тетушки после вчерашнего был неважнецкий.

— Один поедешь, — решила она. — А я двинусь к Кристи.

— Замиряться?

— У него сердце прихватило.

Я прикинул, нет ли в том моей вины. И

заговорил проникновенно:

— Милая тетя, чуть только нахальный племянш станет осложнять вам жизнь, сразу скажите. Я вытурю его взащей.

— Милый Ленни, — усмехнулась Марион, — я не забуду твоих посулов. Придет время — непременно воспользуюсь предложением. У Вэров будь осторожен, — добавила она всерьез.

— В смысле?

— В прямом. У Юльки сегодня день рождения, явится орава гостей. А у тебя особый дар вызывать в людях неприязнь, к тому же, извини, ты — беглый. Мои-то вчера вон как распыхтелись! Лучше поехать завтра. Хочешь, я договорюсь?

— Еще чего! День рождения — святое дело.

— Лен, послушай, — не на шутку встревожилась тетушка, — Карлос тебя чуть не пристрелил. Неужто мало показалось?

— Тетя, завтра меня никто не звал. Я еду сегодня. — Бес Солнечного Зайца поднял уши, и я преисполнился упрямства.

Марион сникла, грустно повела плечами.

— Дело твое. Только, пожалуйста, не доводи до реанимационной палаты.

— Э, тетя! В тюрьме пришлось ох как несладко — и ничего, сижу перед вами жив-здоров. — Легкомыслию моему не было предела; с другой стороны, это можно назвать

ОПТИМИЗМОМ.

— Тогда придумай, что подаришь, — уступила тетушка.

— Моего здесь — один Хрюндель. — Котенок мирно посапывал, свернувшись у меня на коленях. — Но эта мелочь в качестве подарка немедля удерет и почапает обратно домой.

— Зато ты сможешь дарить его снова и снова, — Марион улыбнулась. — Давай-ка порассудим. Вэры — семья состоятельная, гораздо богаче нас с тобой.

— Мне нравится это «мы», — вставил я.

— Дом у них — полная чаша, — продолжала тетушка. — У Юльки есть все. Можно подарить какую-нибудь ерунду из разряда ненужных безделушек, но я противница. Подарок должен быть вещью либо нужной, либо душевной.

Я согласился. Дело за малым — где такой взять. Я бы с удовольствием добыл каких-нибудь самоцветов, но месторождения на Первой Территории — закрытая зона, не сунешься. Элитный талисман? Должно быть, минерал очень редкий; возможно, инопланетный. А может, синтезированный и не представляющий никакой ценности. К тому же, как я его отдам, если он не желает со мной расставаться?

— Тетя, не осталось ли чего-нибудь от матери? Кулона, браслета?

Марион оцетинилась:

— Наладился бросаться вещами Арабеллы? Мы в детстве жили небогато, да и с Алексом она не роскошествовала. Всех сокровищ — аметистовые подвески, которые он подарил ей на свадьбу. Но их прибереги для будущей жены.

— Для Юльки будут в самый раз.

— Ты спятил, мальчик! С Вэрами тебе не породниться.

— Посмотрим.

У Марион сверкнули глаза.

— Ленвар, ты либо идиотски шутишь, либо рехнулся.

— Я в здравом уме и не шучу. — Засевший внутри Бес Солнечного Зайца скалил зубы и плясал. — Я намерен подарить Юльке подвески своей матери. Будьте любезны принести — и поскорей.

— Хам! — Мелькнула теткина рука, и я огреб увесистую плюху.

Хрюндель проснулся и недовольно вякнул. Мы с Марион оторопело уставились друг на друга; кажется, она удивилась даже больше моего.

— Кого люблю — того луплю, — ядовито изрек я, опомнившись. — У меня тоже слабое сердце, как у Кристи. А ну как завтра сдохну?

— Тогда я тебя зарюю рядом с Ирмой. Пусть на том свете она гложет твою душу, негодный! —

Марион хотела пошутить, но голос сломался, а темные глаза влажно блеснули. — Лен, прости. Я совсем развинтилась. — Она встала из-за стола, склонилась надо мной и обняла за шею. Ее нежное дыхание внезапно обожгло висок. — Ленни, твоя шальная тетка — всего лишь ревнивая дура. Понимаешь, ты — в самом деле второй Ленвар... сошедший со звезд. Не обращай внимания на мои выходки.

Ничего себе — не обращай внимания! Это на мою-то тетуську, на восхитительную Марион. Ну, знаете... нелегко мне пришлось. Едва удержался в границах дозволенного.

— Тетя, — я погладил ее точеную руку, — можно, я все-таки гляну на подвески?

— За показ денег не берут, — сдалась она.

Отзавтракав, мы отправились в теткино хранилище. День был серый, скучный, и витраж в окне не сиял золотом, как вчера. Я удостоил потускневшего папашу единственным взглядом и повернулся спиной — наследство матери казалось куда занятней.

— Но ты же мне все разорил... — покачала головой Марион, оглядев полки в шкафу. Там и впрямь все было свалено кучей. — Попробую найти, — тетуська глубоко запустила руку, долго шебаршилась и наконец выудила коробочку, оклеенную черным атласом. — Здесь, — она

подняла крышку.

Серебряная филигрань, сиреневые аметисты. Более густо окрашенные, бархатистые камни ценятся выше. Зато у этих были включения — игольчатые кристаллы гетита; их называют «стрелами Амура». Воистину, достойный подарок для любимой.

Я провел ладонью над коробкой; от подвесок повеяло теплом.

— Почему ты водишь над камнями рукой? — поинтересовалась тетушка.

— Я их так чувствую, — сорвалось с языка. Вообще-то, не стоило трубить о своих способностях; довольно и вчерашнего представления.

Марион неожиданно испугалась. Ужас читался на ее застывшем лице, в округлившихся глазах.

— Ленни... ты... давно? Чувствуешь камни руками?

— С той поры, как стал входить в возраст. Оно пошло-поехало все разом: начал любить женщин, получать в лоб от мужиков, ощущать камни... А что, собственно? Это плохо?

— Паранормальные способности выделяют человека из общей массы и неминуемо ставят их обладателя под удар, — гладко отбарабанила Марион.

— Тетушка, сознайтесь: не ваши слова. Где вы набрались этой премудрости?

— Ох, Лен, не чересчур ли ты смышлен для своего возраста? — натянута засмеялась она.

— Кстати, — я глянул на витраж, — в каких отношениях с мужиками был Ленвар-старший?

— В нормальных.

— То есть, они не стремились разорвать его в ключья?

— Господь с тобой! Он был такой обаятельный; его все любили.

Выходит, способность вызывать неприязнь — не папашино наследство. Интересно, ощущал ли он камни, как я? Однако спросить у Марион означало снова ее напугать, поэтому я сменил тему:

— Тетя, Юлька пьянствует?

— Чего?! — оторопела тетка.

— Согласно поверьям, аметист предохраняет от опьянения. Также он приносит хозяину счастье, смягчает его гнев и злобу. Мало того: он оберегает от змеиных укусов, ураганов, землетрясений и черт знает чего еще. А уж как пособляет при ловле диких зверей! И помогает сдерживать плотские страсти, хранить обет безбрачия.

— Вправду помогает? — оживилась тетушка. — Тебе понадобится. Хочешь, принесу свои украшения? У меня аметистов полно.

Я чуть не объявил, что в доме

чаровницы-тетки племяннику потребуется элементарный контрасекс, но вовремя прикусил язык и с унылым видом признался:

— Это все, милая тетя, пустые враки. Поверьте знатоку: волшебных свойств у самоцветов не больше, чем у заурядной щебенки.

— Ох, Ленни, Ленни, — вздохнула тетушка, печалась какими-то своими думами. — Ну, посмотрел? — вспомнила она про сестрины подвески. — Прячем обратно, — Марион закрыла коробочку и сунула в шкаф, пока я не успел воспротивиться. — Юлька — славная девушка, не спорю. Однако ты не влюбился настолько, чтобы дарить единственную оставшуюся от матери ценную вещь. Сходи в парк, насобирай цветов, потом возьмешь корзину, и составим композицию.

— Моя тетка — сущий диктатор! — Я чмокнул ее в щеку и выскочил из хранилища.

Час спустя икебана была готова. Мне помогла горничная, и композиция удалась на славу: нечто розовое, сиреневое и белое, сверху подернутое паутиной зелени со вплетенными серебряными и фиолетовыми нитями. С такой корзиной не стыдно было явиться в богатый дом. Правда, при взгляде на свои ботинки казенного образца я поморщился, но к тетке приставать не стал. Решил побыть скромным и ненавязчивым.

Тем временем и Марион собралась ехать к

хворому Кристи. Мы встретились на лестнице: я с корзиной и тетушка в элегантнейшем черном костюме.

— Лен, ты неотразим! — вскричала тетка. — Юльку сразишь наповал. Я дам тебе глайдер; хоть нищий и беглый, ты спустишься к ней с небес.

— Сойду со звезд, — подхватил я. — Одна беда: на пилота выучиться не довелось. Ваш план не годится.

— Пилота дам своего, — соблазнила Марион. — Соглашайся.

— Он меня катапультирует с высоты в тысячу метров.

— Воздержится. Я ему заплачу, как за сверхурочные. Лен, — она скользнула ко мне черной змейкой, положила на плечи ладони, заглянула в глаза. — Господи... Случилось же такое чудо... И зачем только твой отец свалился нам на голову?! — закончила она с напускным негодованием.

— Надо было сразу гнать взащей, — отозвался я, борясь с желанием бросить корзину и заключить Марион в объятия. — Уговорили: беру глайдер с пилотом. Но из-за вашей глупой блажи мне придется путешествовать в состоянии анабиоза.

Мы еще повеселились и наконец разошлись.

Насчет катапультирования я, конечно, загнул. Когда пилот подал двухместный глайдер к

подножию холма, я с Хрюнделем на плече молча забрался внутрь и уселся с отрешенным видом. Меня как бы не существовало, и мы спокойно долетели, не обменявшись ни словом, ни взглядом. Все же летчик явно обрадовался, когда мы прибыли.

Загородный дом Вэров стоит на участке, который занимает целую долину. Место называется «Райский уголок» — там свой микроклимат, своя природа и погода. Горы вокруг невысокие, сглаженных очертаний, поросшие редким лесом. Местами проступает открытая порода — голубоватый гранит, и потому кажется, будто на склонах отдыхает небо. Долина слепит блеском множества озерец и дарит буйную пену цветов на зеленых волнах кустов и деревьев. Сам дом небольшой — по сравнению с дворцом моей тетки — но еще более изысканных форм и богаче отделкой.

Наш глайдер сделал круг, снизился и завис над террасой, которая пестрела гостями.

— Давай, — скомандовал пилот.

Зараза, он держался на высоте трех метров!

— А пониже нельзя? Или сесть во дворе, к примеру?

— Пошел, пошел. — Кажется, парень уже изнывал от желания съездить мне в ухо.

Поглядел я на террасу, на поднятые лица

заинтересовавшихся гостей, на мрачную рожу пилота, сунул за пазуху Хрюнделя, взял корзину с цветами, покрутил пальцем у виска, открыл дверцу, да и выпрыгнул. Летчик даже ахнуть не успел.

По-хорошему, надо было упасть и перекатиться, гася инерцию прыжка, однако с Хрюндедем и корзиной не покатаешься. Толпа гостей охнула. Ноги заныли, но я устоял. Кости у меня крепкие, и на суставы не жалуясь.

Пилот наверху сконфузился и убрался. А я победно огляделся, орлиным взором выхватил из толпы Ирену и направился к хозяйке дома. Царственная блондинка улыбалась и качала головой. Затем шагнула мне навстречу и протянула руку для поцелуя.

— Рад видеть вас, мадам... Ольга, — выскочило имя. Тетка не предупредила, что у Ирены есть сестра-двойняшка!

— А вы, конечно, Лен Техада. Мы наслышаны о ваших подвигах. — Она позволила мне задержать ее пальцы чуть дольше положенного. Руки у Ольги изумительные, осиянные переливами лунного камня, овеванные его нежной прохладой. — Смотрите на браслеты? Я нарочно надела что попроще, чтоб вы не разоблачили мои драгоценности.

— Я бы не стал. Вы сама — лучшая драгоценность. — Глаза у лунной Ольги тоже были

сияющие.

Она засмеялась.

— Вы льстец и сердцеед. Идите, поищите Юльку; она была в зеленой гостинной.

Я прошел с террасы в дом и двинулся через анфиладу комнат. В качестве эксперта по драгоценным камням, мне доводилось бывать в богатых домах, но подобной роскоши я не встречал. Таких денег просто не бывает. Больше всего меня поразила отделка интерьеров: тут и материалы, и работы обошлись владельцам в миллионы. Эх... Что уж нам с Хрюндем тут ловить? Однако я приосанился, вытащил котенка из-под рубашки и усадил на плечо. Как говорит моя тетушка, хоть я нищий и беглый, зато сошел со звезд.

Из открытой двери вдалеке выплыла череда белых привидений. Три штуки. Они приостановились — и вдруг разом бросились ко мне. Кошки. Две пушистые и одна короткошерстая, с разноцветными глазами: на белоснежной морде сияли голубой топаз и золотисто-зеленый хризолит. Вся эта благодать с громким мявом кинулась мне под ноги и принялась урчать, тереться, стлаться по ковру и не давать прохода.

Откуда-то выпорхнула Юлька. Короткое платьице на шнурочках — серебристое, к ее серым глазам; открытые загорелые плечи и руки, красивые ноги. Темные, с рыжиной волосы небрежно

сколоты на затылке, и никаких украшений. Юлька и без них очаровательна.

— Кто тут обижает маленьких? — Она осеклась, узрев кошачье представление. — Боже! Они ума лишились?!

Кошки валялись на моих ботинках, перекатывались с боку на бок и орали во все горло.

— Виола! Магдалена! Михаэлла! Кыш, мерзавки! — На большее именинницы не хватило — она покатила со смеху.

Не без труда стряхнув кошек, я вручил Юльке корзину с цветами.

— Она с сюрпризом.

Юлька осмотрела корзину, нашла ленточку и потянула. Раздалось нежное «пуххх», и в воздух взмыл рой золотых мушек. Это тетушкина горничная придумала. Блестки окутали Юльку сверкающим облаком, осыпали волосы, плечи и руки, заблестели на скулах и задорном кончике носа. Кажется, Юльке понравилось.

— Идемте, — она мотнула головой в неопределенном направлении.

Мы пошли. Кошки тоже увязались. Издавая громкое «мурр! мурр!», они вились вокруг и путались у меня под ногами. Я спотыкался, нечаянно наступал на лапы и хвосты, однако они сносили все и млели от счастья. Юлька хохотала, называла их поганками, а меня — кошачьим

падишахом и ловко скользила среди клубящихся гостей. Разноцветная сумятица, громкий говор, смех, утомительная толчея. Пока я прошел дом насквозь, умаялся, честное слово. И оценил мудрость тетушки, которая советовала мне ехать в гости завтра.

Мы поднялись на второй этаж. Тут оказалось тихо, спокойно и очень прозрачно: стеклянные двери, зеркала, окна, ложные окна с подсвеченными витражами, на которых были изображены дивные пейзажи. Мурчавшие кошки безобразно возмущали этот покой; один Хрюндель затаился на плече и вел себя пристойно.

— О-о-ох!!! — издала Юлька вопль облегчения. — Ненавижу эти сборища.

— Тогда зачем вы созвали народ?

— Я?! Они сами созвались! Никогда такой уймы не бывало, а сегодня — прямо наводнение. У-ужас, — отдувалась она, обмахиваясь платочком. — Сюда, — Юлька толкнула какую-то дверь и вошла.

Будуар миллионерши. Что там тетушкин «кружевной» будуар, где мы завтракали! Здесь каждый столик, каждый пуфик, подставка под вазу и зеркало — музейная редкость, а на ковер страшно ступить. Ковер был сделан из шкуры огромного снежного лиса, а эти звери водятся на Доминике, и стоят на рынке, как океанский лайнер. В углу

вылизывала лапу большая кошка из черного обсидиана с переливчатыми золотистыми отблесками; глаза — зеленовато-желтые хризобериллы с инкрустированными зрачками. Поглядел я вокруг — и загрустил. Верно говорила тетушка: с Вэрами нам не породниться.

Юлька поставила мою корзину на столик у окна и засмеялась.

— Такое скопище народу — и один-единственный человек додумался подарить цветы. Видели б вы гору барахла, которое они притащили! Лучше б совсем ничего не везли.

Я удержался от комментариев. Миллионерским дочкам позволительно привередничать.

— Садитесь, — указала Юлька на кресло, окутанное полупрозрачным облаком — накидкой из хвоста все того же снежного лиса. Таких кресел было два одинаковых. — Не задавите Виолу! — Оказалось, одна из кошек юркнула на сидение вперед меня; белое на белом едва разглядишь. — Ох, поганки! Как они к вам прилепились, а? А ваш-то кисик — сидит себе, как украшение, — она почесала Хрюнделю спинку и предложила: — Хотите мороженого?

— Хочу. Если ваши кошки отлипнут и не будут толкать под руку.

Юлька распорядилась по интеркому, нам

принесли мороженое и забрали пушистую гвардию. Долго было слышно, как кошки возмущенно орали, когда их уносили прочь.

Моя хозяйка плюхнулась во второе кресло со снежным лисом. Не опустилась, не уселась, а именно с размаху плюхнулась — с озорной раскованностью и азартом, еще и ногами дрыгнула. Чертенки.

Мороженое съели в чинном молчании. Юлька о чем-то размышляла; серые глаза поблескивали из-под густых ресниц. Довольно урчал Хрюндель, и сцена была идиллическая.

— Здесь принято носить драгоценности, — отставил я опустевшую вазочку. — Почему вы сегодня без камней?

— Могли бы добавить, что мои плечи и руки в украшениях не нуждаются, — отозвалась Юлька с шальной улыбкой.

— Зачем говорить очевидное?

— Ой, плу-ут! — протянула она и поднялась. — Подождите; я сейчас.

Она вышла в дверь, за которой я успел разглядеть уголок спальни, и вернулась с коробкой, обтянутой золотым кружевом.

— Поглядите, — Юлька положила коробку мне на колени. — Каково будет мнение специалиста?

Я опустил ладони на крышку. По телу прошла

сладкая дрожь. Внутри находилось нечто необыкновенное и восхитительное. Открыл. И ахнул.

Ожерелье в две нитки, подвески, браслет и перстень. Филигранные оправы из неизвестного мне синеватого сплава, а камни... Сказка!

Невероятной, немислимой голубизны и прозрачности; внутри бегут-переливаются искры сине-белого пламени. А ощущение от них — не передать. Словно от волос любимой женщины. Изумительные, теплые, волнующие кристаллы, которые рождали в душе сладкую тоску и томительную нежность. Не устояв, я взял сверкающие нитки, поднес к лицу. Зарыться бы в них, закрыв глаза, и утонуть в сладостно-щемящем волшебстве.

С трудом, я заставил себя положить ожерелье на место.

— Что скажете? — подцепив мизинцем, Юлька приподняла искрящийся браслет.

Я перевел дух и с напускным равнодушием ответил:

— Ничего. Впервые такое вижу.

— Это изабеллит; его привозят с Изабеллы. Говорят, стоит кучу денег.

— Инопланетные минералы всегда дороги... Юлька! — не выдержал я. — Вы не представляете, что за сокровище у вас в руках. Это камень моря и

неба, любви и нежности, тоски и экстаза... Наденьте. Пожалуйста.

— Ну, если хотите. — Она защелкнула браслет на запястье, надела ожерелье и поведала, вдевая в уши подвески: — Это мне будущий сурпуг преподнес. — Так и сказала: «сурпуг», вкладывая в слово незлую насмешку.

Великолепные камни вмиг потускнели. И с чего я взял, будто у Юльки мне что-то светит? Да я ее и не знаю совсем, вижу второй раз в жизни. Все равно обидно.

Тихо вякнул интерком, сообщил мягким голосом:

— Юлия, к вам господин Максвелл.

— О! Будущий сурпуг движется! — оживилась Юлька.

— Тогда разрешите откланяться, — я встал.

— Погодите — я вас познакомлю.

— Нет уж! — заявил я, предвидя скандал и драку с «сурпугом».

— Но Лен! Герман хотел...

— Меня уже нет, — я взялся за ручку двери.

— Куда-а?! — со смехом закричала Юлька. — Удирает! Держи его, держи!

Преисполнившись коварных планов, я остался. Вот явится «сурпуг» и станет хамски себя вести, грубить и распускать руки. То-то Юлька подивится на своего избранника! Задумается, стоит

ли связывать с ним судьбу... Я отодвинулся к обсидиановой кошке, подальше от двери.

Вошел этот самый Герман. Я с отсутствующим видом глядел в сторону и боковым зрением заметил только высокий рост и крепкое сложение. «Сурпуг» решительно направился ко мне.

— Здравствуйте, Техада, — он протянул руку. — Герман Максвелл.

Я был потрясен. Мужик подошел не для того, чтобы съездить в челюсть, а с целью обменяться рукопожатием! Я посмотрел ему в лицо. Нормальное. Такие же серые, как у Юльки, глаза и искренняя улыбка. Невероятно. Пожал я ему руку — неловко с непривычки — и решил про себя, что Юльку можно поздравить. Ее избранник — единственный и неповторимый во всех смыслах, поскольку на Лена Техаду не реагирует и не дергается, как другие.

Он поглядел на Юльку, и в глазах отразилось сияние ее камней.

— Как вам изабельки? — спросил Герман.

— Сногшибательны. Где вы их берете?

— Об этом я и хотел потолковать. Юленька? — повернулся он к хозяйке и выразительно склонил голову набок.

— А-а! Секреты! От меня! — изобразила она негодование. — Тогда я пойду и снова напушу к

вам кошек.

Смеясь, она вышла из будуара. «Сурпуг» жестом предложил мне сесть и сам уселся в кресло. Я ожидал, что он вот-вот начнет ежиться и надуваться от злобы. Ничего подобного; он держался со мной, как с любимым другим человеком.

— Рад вас видеть, — заговорил Герман. — Признаюсь, вы меня порядком обескуражили, когда удрали от моих людей по дороге из Травена.

Сообразив, о чем он, я усмехнулся.

— Да вы преступник, милейший. Организовали побег особо опасному...

— Не стоит благодарности, — перебил он с ответной усмешкой. — Я хотел видеть вас своим гостем. Парни были потрясены вашей резвостью, — он покачал головой, словно сам не мог оправиться от изумления. — Однако же сейчас вы здесь, и это хорошо. — Герман примолк, побарабанил пальцами по колену. — Техада, вы — лучший эксперт по драгоценным камням на Кристине. И я догадываюсь, почему. — Его серые глаза уставились на меня. — Мы достаточно о вас наслышаны и хотели пригласить в нашу фирму еще давно... до той истории.

— До тюрьмы, — уточнил я.

Он поморщился.

— Меня не касаются ваши счета с властями Второй Территории. Техада, я намерен предложить

вам работу. Вчера вы в два счета собрали на лугу аквамарин; завтра поедете на Изабеллу добывать изабеллит. Об условиях договоримся.

— Нет, — высунулся Бес Солнечного Зайца.

— Почему?

— Никуда я завтра не поеду. Я не просил вас устраивать побег и не чувствую себя обязанным. И покидать Кристину пока не собираюсь.

К удивлению, Герман не стал меня уговаривать.

— Дело ваше. Хотя честное слово, мне жаль.

Суток не прошло, и я тоже ох как пожалел.

Глава 3

Назавтра я повздорил с Марион: она ни в какую не желала выдать ключ от дома на озере, а я твердо вознамерился посетить родовое гнездо.

— Нечего там делать! — гневно сверкала глазами тетка. — Дом шестнадцать лет простоял закрытый, с самого убийства. Там кровавые пятна на стенах!

— Ну и что? — резонно спрашивал я. — Ваш племянник, милая тетя, давно уже взрослый. Я не буду мучиться кошмарами.

— Глупость ты придумал! Вредный вздор!

Я не мог взять в толк, отчего она противится, и в конце концов потерял терпение.

— Ладно. Я обращаюсь к шерифу и потребую, чтобы дом вскрыли для его законного владельца.

— Угрожаешь?

— Да.

— То есть, либо мне плясать под твою дуду, либо ты съезжаешь? — Марион обиделась и разозлилась.

— Я всего-навсего прошу ключ от собственного дома.

Мы стояли на балконе. Цвело раннее тихое утро, солнечные лучи ласкались к просвечивающим столбикам каменной балюстрады. На холме перед нами блестел шпилями соседский замок, а внизу лежал еще темный, прохладный парк.

Закутанная в полупрозрачную накидку, разобиженная тетушка напоминала принцессу в изгнании. Сквозь накидку виднелся жемчуг на груди и открытых плечах. Марион казалась такой хрупкой и незащищенной, что я устыдился.

— Ну, что вы сердитесь? Тетя! — я бережно обнял ее за талию.

По телу Марион прошла дрожь, она прижалась ко мне — и поспешно отпрянула.

— Потому что дура, — объявила тетка. — Конечно, поезжай. Ничего с тобой не случится.

Она сходила к себе в спальню, вынесла электронный ключ-карту и вдобавок вручила кредитку с сотней стелларов — как она выразилась,

на дорожные расходы.

— Тетя, вы бесподобны и божественны!

— Неужто?

— Клянусь! — Я валял дурака и скоморошничал, но для Марион не жалко было расстараться.

Она просияла и от полноты чувств расцеловала меня в обе щеки. Плясавший у меня внутри Бес Солнечного Зайца вошел в раж: я подхватил тетушку на руки и закружил, а затем помчал по коридорам, по лестнице на первый этаж, через вестибюль и выскочил на сбегавшие по склону холма ступени. Ее накидка сбилась, явив полуобнаженную грудь в жемчугах, и тетка с визгом прикрывалась руками. Сцена была еще та.

Лестница к подножию холма длинная, и пока я мчал вниз, успел задаться разными вопросами и честно на них ответить. И не поразовался. Во-первых, проказливый Лен Техада ведет себя чересчур вольно. Во-вторых, очаровательная тетушка перестала воспринимать его как сына родной сестры, а видит в племяннике ту «промелькнувшую звезду», шалопутного проходимца, которого, как сказал шериф Кристи, любила всю жизнь. И стоящая меж ними стеночка кровного родства шатается и грозит рухнуть, если эти двое не образуются.

— Кто-то приехал, — сказала вдруг Марион,

прекратив визжать.

Я поднял взгляд от ступенек, по которым скакал горным козлом. Внизу на площадке стояла длинная, отливающая бронзой «корона». Дверцы были закрыты и как будто задраены наглухо; стекла зеркально отсвечивали, скрывая водителя и пассажиров.

— Перед кем я вас скомпрометировал, милая тетя? — Я поставил Марион на ноги.

Она поправила накидку на груди, прикрыла всю роскошь.

— Боюсь, милый Ленни, ты подпортил репутацию самому себе. Скорей всего, это Юлька; у нее свободный доступ на территорию.

— Тогда идемте встречать гостей, — взяв тетку под руку, я повел ее вниз.

«Корона» молчаливо ждала. Наконец, когда мы ступили на последний марш лестницы, открылись задние дверцы, и вылезли двое плечистых парней. Что ребята вооружены, было ясно как день. Это за мной. Арестовать. Подписан договор о выдаче... Я покрылся холодным потом.

— Привет, мальчики, — улыбнулась Марион.

— Доброе утро, мадам.

— Юлькины телохранители, — пояснила тетка.

Тут и сама Юлька выпорхнула.

— Доброе утро, тетя Марион!

— Здравствуй, солнышко!

Они расцеловались, и Юлька обернулась ко мне. Темные с рыжиной волосы блестели на солнце, серые глаза лучились. Сегодня на ней был тигровый глаз: золотисто-коричневые бусы в три нитки, браслеты на обеих руках и отделанный кабошонами пояс на платье. Лишь перстень на левой руке был не в масть, с серебряной печаткой.

— Что скажете о камнях?

— На вас они чудно смотрятся.

— А почему ехидно улыбаетесь?

— Это не ехидство, а восхищение. — Мне было смешно. От тигрового глаза в ладонях начинается свербеж и невыносимо хочется чесаться — даже будь позволено, Юльку в таких украшениях не обнимешь.

— Так ты, надеюсь, не поедешь? — воспрянула духом тетушка, полагая, что ради Юльки я позабуду о доме на озере.

— Поедет-поедет! — замахала рукой гостя. — Лен, я везу вас на экскурсию. Покажу, как обрабатывают изабельки.

— Прошу прощения. — Меня заело. С какой стати миллионерская дочка мной распоряжается? — Сегодня у меня другие планы.

— Какие же?

— Он надумал ехать в дом, где убили отца и мать, — объяснила Марион.

Юлька вдумчиво оглядела меня своими серыми прозрачными глазами.

— Можно, я с вами?

— Женщине там делать нечего. В доме произошло двойное убийство; стены в засохшей крови. И что скажет ваш жених?

— Господи! Да ничего не скажет. Я ему не отчитываюсь.

Откуда-то донесся едва слышный писк. Я закрутил головой. Хрюндель, свалившийся с моего плеча и позабытый в пылу забав с Марион, черным клубочком катился по ступеням. Извинившись перед дамами, я побежал вверх. Мой верный друг подковылял на ослабевших лапах и завалился набок. Он тяжело дышал, ребрышки под шерсткой так и прыгали. Мне стало стыдно.

— Горе луковое. Пойдем. — Я понес его вниз.

Тем временем тетушка с гостьей успели сговориться.

— Лен, — начала Марион, — возьми Юльку с собой. Мне будет спокойней.

— Телохранителем взять, что ли?

— Нет, — прыснула Юлька. — Но мои мальчики тоже поедут.

— Вы шутите, милая. Они меня прикончат выстрелом в затылок, не успев выехать за ворота.

— Мальчиков посадим во вторую машину. Ну что, Лен? Я вас уговорила? Уговорила! — объявила

плутовка, не дав мне рта раскрыть. — Тетя Марион, мы быстренько съездим и тут же вернемся.

Тетушка поднесла к губам перстень со встроенным передатчиком:

— Будьте добры, машину для Ленвара к Южной лестнице.

Вот так они меня и одолели.

Я уже успел ознакомиться с картой и уверенно двинулся по Морскому шоссе, затем по кольцевой дороге вокруг Летного и наконец повернул на дорогу без названия, под номером 2. Она ведет напрямик к озеру, где стоит дом. Места в тех краях хороши — волнистый рельеф, песчаные почвы, на которых растут синие сосны. Это название, на самом же деле хвоя у них сизая, а стволы янтарные, с желтыми натеками смолы. Кроны раскидистые, богатые; иглы длинные и невероятно густые. Сердце защемило: я в детстве обожал эти сосны, и в последние годы мне так не хватало аромата их смолы и хвои...

Мобиль с телохранителями как на привязи катил следом; Хрюндель спал, а Юлька сидела, заключив коленки в кольцо рук. Коленки у нее красивые; руки тоже.

— Я знаю, о чем вы думаете, — заговорила она. — Будто меня Герман подослал, чтоб упросить вас на него работать.

Думал я в тот момент о другом, но спорить не

стал.

— А он всерьез огорчился, что вы отказались, — продолжала Юлька. — Вы ему понравились.

— Лучше б я понравился вам.

— Нет уж! — вскрикнула она, будто ее шилом ткнули.

— Что так? — Я был уязвлен. — Объясните, пожалуйста.

— Объясню. Вчера вы полминуты беседовали с моей тетей.

— Было дело, — подтвердил я, вспомнив лунную Ольгу.

— И после этого бедная тетя заболела. Заболела вами — она влюбилась. Она сама не своя! — В Юлькином голосе звенело обвинение.

— Влюбилась за полминуты? Ну, тетушка резва.

— Не надо иронизировать, — осадила Юлька. — Вы это знаете. Не можете не знать!

— Позвольте, милая. Откуда?

— А почему вас кошки любят? — взъелась она. — Почему мужчины на дух не переносят? А камни вы почему руками чувствуете?

— Это разные вещи.

— Все ваши экстрасенсорные и прочие способности одного порядка.

— Вас Герман научил?

— Какая разница! Ну, он. Но ведь он прав?

— Ничуть. Я не заметил, чтобы женщины, с которыми мне довелось общаться, сходу влюблялись. Вот вы, например.

Дорога поднялась на вершину холма, и вдалеке блеснуло озеро в сизовой оправе лесов.

— Тетя говорит: она погибла в тот миг, когда вы поцеловали ей руку. Она плачет, бедная! — Юлька бросила на меня негодующий взгляд. — Женщины из-за вас теряют голову в момент физического контакта.

Я подавил усмешку.

— Милая девушка, поделитесь: чтобы влюбить в себя известную очаровательную особу, я непременно должен поцеловать ей руку или довольно украдкой коснуться бедра?

— Я вам коснусь! Даже не думайте.

Я покатился со смеху. Надо же подобное измыслить. Женщины всегда ко мне хорошо относились — но это не повод, чтобы пороть такую чушь.

Мы спустились с холма и ехали по ровному участку пустынного шоссе. По сторонам бежали приветливые, такие родные сосны; утреннее солнце добавляло их сизым кронам яркой синевы.

— Милая Юлька, — заговорил я со всей торжественностью, на какую оказался способен, — позвольте, я докажу, что вы заблуждаетесь?

И протянул руку, думая коснуться Юлькиных пальцев; на запястьях у нее были браслеты, а тигровый глаз не потрогаешь — после будешь чесаться, как блохастый... Бац! Двигатель заглох, заклинило колеса, машина дернулась и пошла юзом. Нас обоих бросило вперед, и тут же сомкнулись объятия системы безопасности, не дали приложиться о лобовое стекло.

— Черт!

Нас занесло, я крутанул руль и кое-как выровнялся. Движок заглох намертво, тормоза не отпускает. Остановились.

Сбоку мелькнули зеркальные стекла, «корона» с Юлькиными секьюрити стала перед нами. Затем мелькнули сами телохранители — и я вдруг очутился плашмя на дороге, въехав мордой в грунт на обочине.

— Лежать!

Я спиной ощутил, что меня держат на прицеле. Правда, ногой под ребра не добавили.

— Парни, вы рехнулись?

— Лен, вставайте, — подала голос Юлька. — Мальчишки, все в порядке.

Я поднялся, потер саднящий подбородок. Секьюрити не спешили убрать оружие. Я поглядел: у одного парализатор, а у другого — боевой излучатель, да еще какой. От меня и обугленных костей бы не осталось. Считаю, легко отделался —

ссадиной на лице.

— Больно? — участливо спросила юная миллионерша. — Не взыщите — я не позволю вам дотронуться.

Поглядел я на ее перстень с печаткой — серебряный, не в масть — и понял. То-то она не убоялась сесть со мной в машину. Нажала пальчиком, послала SOS, а секьюрити с дистанционника заглушили мне двигатель и врубили тормоз. Полицейские штучки.

Подковылял плачущий Хрюндель. Он качался, изо рта свешивалась ниточка слюны. Я положил его на ладонь. Котенок распластался, уронил голову и смотрел круглыми страдальческими глазами.

— Сволочи вы все.

— Лен, не надо. — Юлька жестом велела своим удалцам отойти. — Вы сами нарвались... Киса, маленький! — она склонилась над котенком. — Его нужно к врачу.

Я забрался в машину, вызвал скорую ветеринарную помощь. Мой бедолага часто дышал и постанывал. Юлька снова уселась рядом.

— Лен, послушайте...

— Уйдите.

— Да не сердитесь же!

— Девушка, я сейчас начну неприлично ругаться. Выйдите из машины и оставьте меня в

покое.

Она подчинилась. Подошла к «короне», перекинулась парой слов с телохранителями. Парни с готовностью залезли внутрь, Юлька села сзади, мобиль развернулся и проехал мимо меня. Я понаблюдал, как он уменьшается на экране заднего обзора.

— Держись, — сказал я Хрюнделю. — Меня тоже крепко били; и тоже ни за что.

Пока ждали ветеринарку, я поразмыслил о Юлькиных словах.

В самом деле: кошки меня обожают, мужики морду бьют, с камнями пылкая любовь. Почему бы не поставить в этот ряд и женскую привязанность? Лунная Ольга, тетушка Марион — прямое доказательство.

Нет. Марион видит во мне сошедшего со звезд прохвоста, Ленвара-старшего, а Ольга... Ну, случаются задвижки у дам среднего возраста, отчего не списать на задвиг?

Вспоминаем дальше в прошлое. Илона, которую я любил и называл своей женой. В Травене, до тюрьмы. Она объявила, что знать меня не хочет, через три дня после суда — дескать, она убийце не супруга. Затем Вероника; верней, не затем, а до. Нам обоим по девятнадцать лет, а уж как мы друг друга любили — для того в языке слов не придумано. Не уберег: утонула в морском

прибое. Восемнадцать лет, Надежда. Тоже не уберег: ушла к другому. Семнадцать: сестрички Катя и Аля. Ухаживал за обеими, но, как говорится, за двумя зайцами не гонись. Шестнадцать: никого. Итак: до семнадцати Лен Техада девчонкам вовсе не интересен, затем у сестричек ему ничего не откололось, восемнадцатилетнего девушка бросила без жалости, в девятнадцать впервые узнал, чем любовь отличается от увлечения.

Теперь кошки. Эти от меня всю жизнь без ума, сколько себя помню.

Мужчины. За рукопашный бой я взялся в восемнадцать, когда они меня совсем достали; тренером была женщина. Получается, мужики начали ополчаться где-то в семнадцать с половиной.

Камни. Это — в двадцать лет, не раньше. С полгода я их изучал, а в двадцать один начал работать экспертом.

Итак, разброс велик. Если не считаем кошек, одна вешка — семнадцать лет, другая — двадцать. Обозначить как вешку Веронику и свои девятнадцать я бы не рискнул, поскольку добивался ее любви настырно и долго, а не получил на блюдечке, как от Марион и Юлькиной тетки. Ну и что?

Промелькнувшая звезда, в которого втрескались сестры Техада, — чем он их взял?

Может, у него тоже была отдельная способность? Бешеная сексапильность, переданная по наследству и внезапно вылезшая у сынка в двадцать три года?

До того мне стало противно, кто бы знал! Как помоев в душу плеснули.

— Бред собачий, — сказал я громко, пытаюсь убедить самого себя.

А в глубине, под помоями, свербит мыслишка: а вдруг так и есть? Ну-ка, Лен Техада, посчитай — сколько женщин тебя подвозили от границы до Летного? Скольких ты осчастливил поцелуем в щечку да невинным объятием? Сколько их теперь плачет, как лунная Ольга?

Хоть объявление на видео давай, чтобы убедиться в правильности подозрений. «Милые дамы, прошу откликнуться тех, кто сажал в машину светловолосого незнакомца в желтой майке и рабочих штанах». Допустим, отзовутся. Полдесятка ополоумевших баб — что прикажете с ними делать?

А ничего. Безответная любовь — не худшее из несчастий. Ничего не буду с ними делать. Я разозлился. Уж здесь-то я не виноват. И вообще все дичь и сущий вздор.

Но все же — если нет?

Не виновен, вынес я решительный вердикт. Не знал, не предвидел и предвидеть не мог. НЕ ВИНОВЕН!

Ладно, отмазался. А дальше что? Веселенькое положеньице — к женщинам не подойди, не обними, пальцем не тронь. Что ж я, монах какой?

Наоборот. Надо сколотить большой гарем, и буду я в нем султан. Одна беда — если при наложницах охрану не поставит, они друг дружке глаза повыцарапают. Где мне столько евнухов набрать?

Повеселел я, погладил Хрюнделя по тощему хребту.

— Мы станем искать одну-единственную, для нас предназначенную. Чтобы всю жизнь любить, и больше никого чтобы не надо.

Котенок еле слышно заурчал, словно вспомнил про свою обязанность.

На дороге опустился белый глайдер с синим крестом и рыжей кошкой на боку, стал на обочине. Выскочила молоденькая докторица в коротком халате и, мелькая загорелыми коленками, заторопилась ко мне. Я вылез из машины, протянул Хрюнделя.

— Вот. Здравствуйте.

— Ой, крохотуля! Лапочка, — заворковала докторица, принимая котенка. — Что случилось?

— Упал с высоты.

— Вместе с вами? У вас лицо ободрано. — Она зашагала к глайдеру. Хрюндель слабо пищал. — Потерпи немножко... — Девушка

открыла дверцу в салон: я увидел хирургический стол и аппаратуру. — Вам сюда нельзя, подождите. Милтон! — позвала она. — Займись хозяином. — И исчезла в салоне.

Из кабины вылез пилот с фляжкой в руке и пластиковым стаканом.

— Это зачем? — Я отступил. Не плеснул бы парень в лицо чем-нибудь едким.

Милтон добродушно усмехнулся:

— Это так, бодрит. Обычно отпаиваем истерических хозяек. — Он налил в стакан желтой пузырчатой жидкости. — Пейте.

— За здоровье моего Хрюнделя. — Я выпил; похоже на лимонад. Пожалуй, с каплей успокоительного.

Пилот слазил в кабину и вынес пару каких-то баллончиков.

— А теперь поднимите голову. Это — не — больно, — проговорил он с расстановкой, поймав мой подозрительный взгляд. — Обезболивающее и антисептик. Давай-давай, нечего жаться! Вот так. Закрой глаза. — Он аккуратно пыхнул в лицо; ободранному подбородку на миг стало холодно, затем все прошло. — Отлично, — произнес Милтон. — Сейчас пленку наклеим, а бриться будешь завтра, — он прошелся по подбородку аэрозолем из второго баллона.

У меня от его заботы заглодело в брюхе.

Вчера Герман жал руку, точно добрый знакомый, сегодня пилот возится и обихаживает. Вчера же, по слухам, влюбилась лунная Ольга. Уж не звенья ли одной цепи? Мужики перестали накидываться с кулаками, а женщины...

— Все! Впредь тебе наука.

Пилот неприязненно поглядел на меня и забрался в кабину: кончилось его доброе отношение. Значит, пока все по-старому, привычно; слава Богу.

Прошло минут двадцать.

— Вот ваш пострадавший. — Из салона появилась докторица с котенком. Хрюндель лежал на круглой белой картонке и спал. — Ничего страшного — косточки целы, сотрясения нет. Отлежится и будет ловить бабочек.

— Спасибо. — Я взял котенка вместе с тарой. — Сколько с меня?

— Наша служба бесплатная. — Она улыбнулась. — Берегите его — он же такой маленький! Всего хорошего.

— До свидания.

Я подождал, пока они взлетят, затем отнес Хрюнделя в машину. Быть нам битыми еще не раз. Однако время ехать дальше.

Шоссе проходило метрах в трехстах от озера, и от него к дому вела аллея, засыпанная плотным слоем хвои и прелых листьев. Я проехал под

раскидистыми кронами сосен, мимо высаженных вдоль аллеи декоративных кустов, и остановился на берегу озера. У своего дома.

Синяя гладь безмятежной воды. Пустынно — ни лодки, ни катера. Тихо. Одноэтажное строение с мансардой, некогда лимонно-желтое, поблекшее от времени и погоды. Закрытые ставни, по которым ползут, по-хозяйски цепляясь, обнаглевшие сорняки. Трава по пояс, редкие головки полузадушенных цветов. Цветы давным-давно сажала мать — и вот растут до сих пор...

Я вылез из машины, обошел дом кругом. С виду все цело.

Поднялся я на крыльцо, достал ключ-карту, сунул в щель. Дом подумал и впустил: дверь отворилась, внутри зажегся тусклый дежурный свет. Я вошел.

И шархнул назад, как от броска змеи — дом шуганул меня, плеснув в лицо едучей смесью холода и страха. Не входить!

Я зацепился за косяк, перевел дух. Затем тихо скользнул в прихожую, прижимаясь спиной к стене. Необъяснимый страх потек навстречу, окутал клейким саваном, заохлодил кожу. Я постоял, привыкая. Ну, мы еще посмотрим, кто тут хозяин.

Из прихожей я перебрался в гостиную. Какая тесная. Мне она помнилась огромной, хоть в космодром играй. Впрочем, я сам был куда мельче,

чем сейчас. С закрытыми ставнями, при мерклом свете, гостиная казалась неприятной. Коробка? Камера? Пожалуй, да.

Я прокрался в столовую. Бросил взгляд на буфет с посудой — на стеклянных дверцах алмазная резьба, матери нравилось; осмотрел продавленный диван — помнится, на нем я радостно скакал и кувыркался, когда мать не видела... Напольный светильник в углу. Толстый штырь с плафонами в виде раковин — из шести сохранились два — и широкая подставка из красной яшмы. Тот самый светильник, которым размозжили голову моему отцу. Что бы ни твердила тетка, отцом мне был Александр Клэрэнс, а вовсе не Ленвар — промелькнувшая звезда.

Стиснув зубы, я подошел к светильнику, приподнял — тяжелый. Взялся обеими руками, вскинул над плечом, как для удара, — тяжеленный! Да, убийце было сил не занимать.

Хотелось унести проклятый светильник из дома, зарыть в лесу, а лучше — утопить в болоте. Казалось, я различаю на красном, цвета сырого мяса, камне следы крови, а безобидная, в общем-то, яшма злорадно ухмылялась мне в лицо. Камень-убийца.

Впрочем, светильник ни в чем не виноват. Поставив его на место, я направился в детскую. Пусто. Ни игрушек моих, ни вещей — одна мебель.

Все добро уехало со мной в интернат и там бесследно растворилось.

Комната бабушки. По стенам развешаны вышитые картины — романтические пейзажи. Изумительная работа; неужто ее сделали бабушкины руки? Мне припомнилось: кусок полотна, на нем стрекочет хитрая вышивальная машинка, трудятся ловкие сухие пальцы...

Спальня родителей. Вышитое покрывало на постели, плотно задернутые шторы, туалетный столик с зеркалом — пустой и запорошенный пылью, а зеркало завешено черным платком. Я сдернул этот платок, протер им пыль и уставился в зеркало, как будто оно могло показать мне родителей. Однако в равнодушном стекле отражался только я сам, встрепанный и с настороженным взглядом воришки, который шурует в чужом доме.

Я отвернулся.

Ну, что тут еще? Экран видео, полочки с безделушками, ваза с росписью по эмали — мамина любимая; но Марион почему-то ее себе не взяла.

А вот и самая дорогая вещь в доме. Платяной шкаф — из какого-то ценного дерева, с резьбой на дверцах и янтарными вставками. Помню, в детстве я подолгу рассматривал эти узоры, тайком пытался выковырнуть янтарь — хоть бы самый малый осколочек... Мать запрещала мне лазать внутрь, и я

воображал, что в шкафу спрятаны сокровища космических пиратов. Порой в шкаф удавалось заглянуть, но сокровища скрывались под одеждой, и я их так и не отыскал.

Вспоминая это, я хотел улыбнуться, но лишь скривился, как от боли. Потрогал теплый янтарь, осторожно потянул дверцу. И опять отскочил, как на пороге прихожей — из открывшейся щели плеснуло ледяным страхом. Вот же черт...

Я распахнул шкаф рывком.

Одежда, обувь, мамины вещички — сумки, коробки, сложенный веер, карнавальная маска. Две нижние полки с левой стороны пусты. Почему? Хотя у тетушки Марион сестринными вещами заняты как раз две такие же полки. Наверное, она попросила Кристи привезти ей сувениры на память, и он, не затрудняясь выбором, прихватил то, на что упал первый взгляд.

И все-таки странно. Шериф — здоровенный мужичина, я бы на его месте орудовал поверху, а он забрал вещи снизу. Я присел на корточки, заглянул в пустоту. Ни-че-го.

Тетка страшала: кровь повсюду. И в помине нет. Где произошло убийство? Я осмотрел стены и пол. Здесь. Тщательно замыто, но я отыскал. В простенке между окон, под икебаной из искусственных цветов, остались едва заметные следы. Икебана свалилась тогда, упала на мать. Вот

пятнышко на лепестке, а вот другое. Это — давняя засохшая кровь. Цветы тогда лежали, как надгробный венок. Меня пробрала дрожь. Я вспомнил, вспомнил! Мама!..

Опустился на колени. Вот тут она лежала — бесформенный ком у стены, а над ней красное размазанное пятно. Мертвая мама. Теплая, точно живая. Мамочка, милая! Вставай, ну пожалуйста, мама, я люблю тебя, поднимайся... Мне стало плохо. Я, шестилетний, стоял на коленях над мертвым телом и, захлебываясь от ужаса, рыдал и вопил. А потом бросился вон, и там был отец, Александр Клэрэнс; он лежал в гостиной, а из головы торчал круг красной яшмы, и на ковре валялись осколки плафонов. И бабушка, упавшая на пороге, и я мчусь по дорожке — прочь от дома, прочь, как можно дальше...

Я поднялся на ноги. В глазах темно, тошнит. Пришлось опереться о стену.

Почему я не разглядел того, кто их убил? Ведь я был в доме, видел его тогда — почему память бросила мне самые страшные образы, но скрыла убийцу? Он был большой, сильный — орудовал тяжеленным светильником, будто палкой. Зачем тетка меня пожалела, не позволив восстановить память? Я хочу знать.

Начнем сначала. Я уселся на корточках у стены, сосредоточился. Вот я — маленький, в

родительской спальне. Что делаю? Озору, наверное. Вот, вот оно — возвращается, накатывает. Я — маленький. Шкодливым бесенок, тайком пробрался и... Распахивается дверь, вбегает кто-то огромный, страшный... А-а-а! Удар, боль и темнота.

Я очнулся на полу. Во рту поганый вкус, в горле стоит тошнотный ком. Лица убийцы я не рассмотрел.

Отдышался, отер со лба холодный пот. Ну что ж, попробуем еще раз. Я — маленький. Озору, пытаюсь отыскать сокровища в запретном шкафу. Только бы меня не застучали. Мать ух как всыплет — она строгая. Ой, попался! Дверь грохнула, распахнувшись, и в комнату кто-то ворвался — чужой, громадный, жуткий. Вижу вытаращенные глаза, разинутый рот...

Р-р-р, вз-зз-зз... Что такое?! Проскрежетали по нервам поднявшиеся ставни, распахнулась дверь — и ввалился кто-то чужой, огромный...

— У-убью!! — заорал я, хватаясь за столик с зеркалом и запуская его в пришельца.

Нет: я сперва заорал, а уж после схватился. Что мужика и спасло — он метнулся назад, а столик врезался в дверную коробку и рухнул вниз, брызнуло осколками зеркало.

Грохот привел меня в чувство. Я поднялся на ноги.

— Какого черта?

— Это ты какого? — Юлькин секьюрити с опаской выглянул и затем явился на пороге. Попинал раскучуроченный столик, протянул с уважением: — Силен, бродяга.

За его спиной показался второй телохранитель.

— Чего тут? Кто резвится?

— Мальчики! Что там такое? — Это уже Юлька, откуда-то издалека. — Эй, разойдитесь. — Она растолкала парней, возникла в дверном проеме. — Господи! — всплеснула руками. — Лен, я не хочу прямо сказать, что вы спятили, но где-то около того.

— Я делом занимался. А вы толпой ввалились и все испортили. Я пытался вспомнить убийцу, и почти удалось. Зачем за мной шпионите?

— Я обещала тете Марион присмотреть, — объяснила Юлька. — Чтобы с вами ничего не случилось.

— Присмотрели? Тогда — все на выход.

— Давайте я ему в лоб дам, — с глухой тоской предложил секьюрити. — Сил моих нет!

Вообще-то выдержка у парней железная: я до сих пор не ощущал, чтобы они заводились и жаждали моей крови.

Юлька посторонилась — не дай Бог ее задену. Как от чумного шарахнулась, честное слово.

Я выпроводил всю компанию за порог, опустил ставни и закрыл дом. Надо будет через день-другой вернуться и попытаться еще раз. Должен же я в конце концов разглядеть убийцу. Вдруг он и впрямь окажется промелькнувшей звездой?

Мы расселись по машинам; Юлька с телохранителями залезла в «корону». Хрюндель мирно спал — маленький черный клубок. Я развернулся на площадке и только собрался нырнуть в аллею, как «корона» загудела и мигнула огнями. Пришлось остановиться.

Юлька выскочила из машины и направилась ко мне. Вылезать я не стал, но открыл для нее дверцу и убрал с сидения котенка. Она уселась, нервно поправила волосы.

— Поехали? — спросил я.

— Нет. Послушайте, Лен, с вами так нехорошо вышло...

— Почему же? Все правильно. Как еще обходиться с беглым зэком и опасным экстрасенсом?

— Перестаньте, ради Бога. Лен, я... — она осеклась.

— Хотите похлопотать за Германа? Чтоб я согласился лететь на Изабеллу?

— Да нет же! Говорят вам, Герман не просил. Ну, невозможно с вами... Лен, — Юлька нервно

крутила перстень с печаткой, — я... ну, чувствую себя виноватой. — Она стиснула пальцы и повернулась ко мне. — Простите.

Я был тронут.

— Не знаю за что, но прощаю. Считайте, что я почтительно склонился и благоговейно поцеловал вам руку.

— Смеетесь, — горько упрекнула Юлька.

— Поверьте, нет.

Она вернулась в свою машину. «Корона» рванула с места и умчалась по аллее; когда я выехал на шоссе, мобиль с бронзовым отливом был уже далеко.

Через службу информации я выяснил адрес шерифа Пятого округа и поехал навестить хворого Кристи. Он жил далеко от тетушки Марион, на другом конце Летного; добравшись до места, я узнал, что Кристи в больнице.

Двинул туда.

— Ой, а я вас помню! — обрадовалась славная женщина-регистратор, не успел я рта раскрыть. — Мы с вами ехали.

И правда — одна из добрых душ, кто подбирал меня на шоссе. Фелиция — не то вспомнил, не то угадал я имя и спросил:

— Как ваши дела?

— Ой, замечательно! Мужу дали повышение.

— В ваших словах звучит гордость, которая

заставляет предположить...

— ...что это полностью моя заслуга, — подхватила Фелиция со смехом. — Когда бывало, чтобы мужа продвигались по службе без помощи жен? Вы можете припомнить такие времена?

— Не могу, — честно признал я.

Сердце взыграло. Фелиция ликовала из-за служебных успехов супруга, а вовсе не от того, что на глаза явился искушенный соблазнитель Лен Техада. Значит, чары на нее не подействовали и Юлька зря на меня бочку катит. Но, может, я ее не целовал? Не помню.

— Фелиция, скажите, — я облокотился на стойку, изобразив задумчивость и кротость, — объясните мне такую вещь. Я человек приезжий и не знаю здешних нравов. Запечатлев поцелуй на вашей прелестной щечке, я допустил непростительную вольность?

Несколько мгновений она переваривала сказанное, затем прыснула.

— Ой, мужу стенки донесут — а он ревнивый! Вольность, конечно, но простительная. Можете повторить, — плутовски блестя глазами, она потянулась ко мне и подставила щеку.

— Не стоит — мужу стенки донесут. — Юлька до того меня застращала, что я не посмел даже в шутку прикоснуться к Фелиции. Выйдет какая-нибудь неприятность, как с лунной Ольгой, а

я потом мучайся угрызениями совести. — У вас тут лежит мой родственник — Кристофер Доу. Как его состояние?

Она обратилась к пульту с монитором.

— Кристофер Доу... Ага, вот он. Состояние средней тяжести.

— Его можно повидать?

— У вас дело?

— Важное.

— Тогда не стоит. Ему нельзя волноваться.

— Я хочу поговорить с врачом.

— Это пожалуйста. Поднимитесь вон по той лесенке, и прямо. Двести четвертый кабинет.

Лечащего врача на месте не оказалось, зато я отыскал дежурную сестру, с великим трудом ее уломал, и меня допустили в палату.

Шериф лежал под капельницей, серый, полумертвый. На звук открывшейся двери он разлепил веки и чуть скривил губы. На полновесную рожу сил не хватало.

— Здравствуйте, Кристи. Как самочувствие?

— Не мели пустое. Давай к делу. — Голос у шерифа был тише прежнего, но твердый.

Я переместился в угол палаты, от него подальше, и стал смотреть в окно, на больничный дворик. Не хватало, чтобы Кристи разнервничался из-за моей персоны и ему сделалось хуже.

— Я ездил в дом на озере. Поглядеть, как и

что.

— И что там?

Я описал, как пытался вспомнить убийцу; правда, умолчал, что швырялся мебелью в секьюрити.

Кристи оживился; даже краски в лице прибавилось.

— Стало быть, ты его видел?

— Выпученные глаза да перекошенный рот — не так много. Тетушка говорила: у вас есть свое мнение.

Кристи задумчиво меня озирал; шевелились густые брови.

— Срок давности истек. Сейчас убийцу не осудят, не посадят...

— Я все равно хочу знать. Он убил мать и отца.

— От твоего знания ничего не изменится.

— Кристи, я прошу вас!

Он вздрогнул от моей вспышки.

— Не ори. Не то тебя выставят. Не тем занят — лучше бы подумал о Кэтрин Ош.

— Мне нечего думать. — Я прижался лбом к стеклу. Во дворике за окном суетилась стайка желтых птиц — клевали насыпанный корм. — Я не убивал ее и не знаю, как это доказать. Кристи, — я обернулся к шерифу, — мне больше не у кого просить помощи. Пожалуйста.

Он устало прикрыл глаза.

— Ладно. Выйду отсюда — и займусь тобой. А пока обещаю вот что. Ты не будешь заниматься расследованиями сам, без меня. Больше никакого дома на озере и воспоминаний. Уяснил? И еще: ничего не скажешь Марион. Ни слова о том, что увидел — или придумал — убийцу на пороге спальни. Тебе ясно?

— Понял. Спасибо. Выздоровливайте.

Я убрался из палаты.

Похоже, Кристи знает — или предполагает — имя преступника. Более того, не хочет, чтобы оно стало известно. И Марион не желала, чтобы маленькому Ленни восстановили память. Кого шериф с тетушкой могли покрывать? Тетка-то ладно — она могла бы радеть о любовнике, пусть он хоть трижды убийца ее сестры. Но Кристи? Неужто из любви к ветреной Марион шериф стал бы щадить негодяя? Не верю.

Я перебрал в памяти все, что слышал об убийце. Собаки не взяли его след, затем криминалисты со своим оборудованием тоже не справились. Иными словами, преступник не оставил ни запаха, ни отпечатков на стойке светильника, ни частичек слюны. Будь он в защитном костюме и маске, то да, так бы оно и случилось. Но ведь я вспомнил его выпученные глаза и разинутый в крике рот — значит, маски на

лице не было. Тогда что получается? Кто-то уничтожил следы до приезда полиции. Кто — Кристи? Или тетушка Марион?

До того мне стало противно, что я даже думать об этом не стал.

Дома меня встретила перепуганная тетка и очень официальный тип в безупречном костюме. Я с ним столкнулся нос к носу, едва лишь ступил на порог. Бледная Марион маячила в холле у него за спиной.

— Ленвар Техада? — спросил официальный тип.

— К вашим услугам.

— Будьте добры, распишитесь в получении.

Захолодевшими руками я взял письмо в конверте с печатями и коротким текстом внутри: предписание покинуть Территорию-1 в течение двадцати восьми часов.

Глава 4

Поразительна мудрость и гуманность властей. Мне предоставили целых три возможности: вернуться на Вторую Территорию и сдать, или обзавестись поддельными документами и попытаться покинуть Кристину, либо оставить населенные места и осесть в диких лесах, где не ступала нога человека. Душу грел второй вариант,

но кто слепит мне надежный паспорт, который не разоблачат немедленно и сразу? Или, еще хуже, в порту прибытия, где меня повяжут и отошлют в Травен, в объятия господина Око. Не хочу!

— Сволочи... Ну вот же гады, — твердила Марион, всхлипывая и утираясь. — И Кристи не вовремя свалился! Он бы что-нибудь сделал... Да что ж за невезенье-то такое, а? Ленни!

На тетушку было жалко смотреть. Хотя нет, вру. Даже с покрасневшим носом и припухшими глазами, Марион была несказанно хороша. В светлом платье с накинутым на голову капюшоном, в сиянии голубых топазов, она сидела в своей роскошной гостиной воплощением отчаяния и скорби. Сознаюсь, являться источником этой скорби было по-своему приятно.

— Милая тетя, — я пристроился возле Марион на парапете маленького бассейна; в воде испуганно метнулись рыбки. — Вы самая чудная тетушка на свете.

— Ты не понимаешь, — произнесла она, не подымая глаз. — Лен. Ленни. Ленвар. — Она вздрогнула, как от холода, и стиснула руки. — Я столько лет любила его... твоего отца — и вот снова. Ты опять уедешь. Лен, я знаю, что не должна... ничего не должна... Но я так мечтала, чтоб ты остался!

При всем своем нахальстве, я смутился.

Теткина рука обвила меня за пояс.

— Я так ждала, что ты приедешь. Ночами молилась, чтобы вернулся. Я знала, верила... Лен. Ленвар.

Она выговаривала имя, полузакрыв глаза, наслаждаясь каждым звуком. Голова ее приникла к моему плечу, капюшон соскользнул, открыв темные локоны, из-под которых заблестали голубые топазы на шее.

— Ты ничего не знаешь, — переливался, звенел серебряный голос. — Тот витраж наверху — твой портрет. Я приходила, говорила с ним, даже плакала. Лен, ты — такое чудо, для которого не придумано слов. Каждый твой взгляд, прикосновение — это волшебная сказка. Теплый свет глаз согревает душу, смягчает сердце. Мой Ленвар, мой милый Лен...

Ласковое слово и кошке приятно. Марион выпевала признание за признанием, прижавшись щекой мне к груди, а я целовал ее волосы и шею, и в моих поцелуях давно не осталось родственного чувства. В общем, голову я напрочь потерял.

Нет, господа, ошибаетесь. Закончилось это совсем не так, как вы полагаете.

— Я не должна тебе говорить, — мурлыкала тетушка, — чего-то требовать в ответ. Но я тебя спасла, это правда... Мой Лен, мой чудесный Ленни... золотой солнечный зайчик.

«Солнечный зайчик». Эти слова меня вмиг отрезвили. Вспомнился Травен, садисты-зырки, начальник тюрьмы господин Око.

— Вы меня спасли? — переспросил я, насторожившись. — От чего?

— Я не позволила после убийства восстановить тебе память. Согласна: я для тебя стара, да и глупо требовать благодарности сейчас, через столько лет... То есть, вовсе не глупо... Лен, я так долго ждала, я знала, что ты однажды вернешься. И вот теперь выставляю счет.

«Спасла», «благодарность», «счет». Какой еще счет?

— Тетя, нельзя ли облечь в конкретные слова, что именно я вам должен?

Сказка оборвалась. Марион вывернулась из моих объятий.

— Видишь ли, бесценный мой племянник, некоторые вещи в слова не облакают. Если ты не счел нужным понять — вольному воля. — Она поднялась и сердито накинула капюшон, скрыв свои пышные локоны. Губы подергивались, готовые искривиться в презрительной усмешке. — Все равно ты не настоящий Ленвар. А всего-навсего сын моей сестры.

Можно подумать, быть сыном Арабеллы Техада позорно. Ух, и взъелся же я! Сосчитал в уме до десяти и выплеснул остатки перекипевшего:

— Я очень рад, что не настоящий. По крайней мере, не считаю правильным завалить в койку родную тетку. Даже если она ведет себя, как потаскуха.

И ушел.

Поторчал в своей комнате, погладил спящего Хрюнделя, охолонул. Зря я так с тетушкой. Она ко мне со всей душой, а я нагрубил безобразно. В конце концов, я не выдержал и отправился приносить извинения.

Добрался до тетких покоев, культурно постучал и жду. Изнутри голос:

— Да входи же!

Я и вошел. Марион поднялась из кресла мне навстречу. Стоит и молчит. Я тоже молчу, потому как язык отнялся и все заготовленные слова из башки вылетели. Тетушка оказалась великолепно и ослепительна: на ней был прозрачный черный пеньюар, расшитый хрустальными слезками, и больше ничего. Даже босиком: из-под рюшек на подоле выглядывали пальцы с розовыми ноготками. Затем эти пальцы шевельнулись и спрятались под рюшки.

— Что тебе? — холодно осведомилась Марион.

Бог мой! А ждали-то здесь вовсе не Лена Техаду. Собрался я с мыслями, оторвал от тетки взгляд.

— Простите меня. Я был непозволительно груб.

— Катись, — велела она, машинально поправляя на груди прозрачное кружево. — Вон отсюда.

Я убрался, порядком обескураженный. А в вестибюле столкнулся с хмырем, которого Марион от обиды вызвала к себе; он и прилетел, как на крыльях, счастливый донельзя, с корзиной цветов.

Мне-то что за дело? Я лишь мельком глянул на сияющую физиономию, борясь с желанием скорчить рожу под стать гримасам Кристи, — но и этого хватило, чтоб я разозлился. Хмырь до отвращения походил на витраж в теткинском хранилище — такой же белокурый и кареглазый. Видать, Марион подбирала любовников неизменной масти, чтобы напоминали ей Ленвара-старшего.

А еще он смахивал на Элана Ибиса, из-за которого я сел в тюрьму.

У гостя при виде меня тоже настроение подкисло. Потому что если у мужика светлые волосы и карие глаза, в доме Марион Техада это означает одно: фаворит. Так мы и разошлись, обозленные.

Чего-чего, а наглости Лену Техаде не занимать. Поэтому я связался с домом Вэров и беззастенчиво напросился к Юльке в гости.

— Приезжайте, — коротко согласилась она, не спрашивая, что да как.

И я отправился.

Помнится, я обещал вам рассказать о своем житье-бытье в травенском казенном доме. Ну, так слушайте. Вообще-то тюрьма как тюрьма; бывают и похуже. И сиди я в одиночке, не было бы никакого разговору — да только из зала суда меня свезли в общую камеру. А общие рассчитаны на шестерых. Пять бандюков и я, грешный.

В первый раз зырки, не разобравшись, подняли стрельбу. Трех, которые целы остались, рассовали по карцерам, а меня и ту парочку, что первыми со мной сцепились, — в лазарет. А там пошло-поехало. Бесплатный цирк; на арене — бойцовый кот Лен Техада по кличке Солнечный Зайчик. Стоило более или менее оклематься, меня сдергивали с больничной койки и пихали в камеру.

Людей охватывало безумие. Я понимаю: в тюрьме сидят не ангелочки. И все-таки это были люди. До того мгновения, когда захлопывалась дверь и я оказывался в камере. Тогда они превращались в орущих бесов, которые кидались в драку.

Уже пять лет, как мужики меня не жалуют, — но такое я встречал только в Травене. Белые, серые, лиловые морды, лезущие из орбит глаза, оскаленные зубы, пена на губах, как у

припадочных, безумный вой и рычание. Вы видели фильмы ужасов? Я их насмотрелся вдоволь.

Чему не устаю удивляться, так это крепости своих костей. И тому, как быстро заживала моя шкура. Меня швыряли о пол, о стены, о койки, об унитазаы; меня топтали, ломали, раздирали на куски, размазывали в кровавую кашу... Зырки, гады, заключали пари, сколько минут я продержусь. Рекорд был одиннадцать. А еще они спорили, будут ли трупы и чьи. Я не старался убивать, но трупы были.

Конечно, я писал своему адвокату. Чудная женщина, она не верила в мою невиновность, однако во время следствия и суда сделала все, что смогла. Видимо, письма из тюрьмы до нее не дошли. Территория-2 есть Территория-2, недаром Первая не желает с ней знаться. Закона там нет, и правды не сыщешь.

Вот так мы и жили. Зырки развлекались, наблюдая на экранах превосходные драки, а начальник тюрьмы господин Око позволял эти забавы. С ним у нас была особая любовь.

После моей третьей потасовки он объявился в лазарете. Отослал сестру и уселся с явным намерением потолковать спокойно, по-людски. На складчатом подбородке блестит недобритая щетина, подергивается нижнее веко, на розовой голове шевелится редкий пушок.

— Я, — говорит, — пришел с научной целью: выяснить, что побуждает людей при виде вас терять человеческий облик и всяческое достоинство.

Он тут будет про достоинство! У меня морда разбита, и язык еле ворочается, потому как сестра от усердия вкатила лошадиную дозу обезболивающего. Но я собрался с силами и четко объяснил, куда ему идти со своими научными целями. Нахамил и сам пожалел, потому что господин Око как подскочит! Да как заорет благим матом! Примчалась перепуганная сестра, а следом — вооруженная охрана.

Отчетливо помню визг сестры. Бедная, она пыталась меня защитить. Дородная такая, в ней весу килограммов сто, не меньше; и все эти сто килограммов поперек койки на меня брякнулись. И снова мат-перемат, вой и рык. Сестру мужики на пол сбросили, а на меня накинулись и били табельным оружием. А я пошевелиться не могу, зато и боли не чувствую — точь-в-точь ватная кукла. Начальник тюрьмы побагровел, орет, как полицейская сирена, заходится. В конце концов ему стало худо с сердцем, он уполз за дверь, и охрана тоже.

А сестра поднялась с пола, присела на край моей койки — и в рев. Криком кричит, слезы в три ручья. И твердит только: «Сынок, сынок...» Не видел я ее больше. Назавтра в ее смену пришла

другая.

А господин Око научных изысканий не оставил. Приспичило ему понять: отчего рядом с заключенным номер 847, то бишь пресловутым Солнечным Зайчиком, люди звереют и без памяти кидаются в драку? И наш начальник приложил все силы. Он беседовал со мной лично и по видео, он изошрялся, подбирая состав заключенных в очередной камере, куда меня приводили, он подсылал тюремного психолога. Бился как рыба об лед, а разобраться не мог. Бедняга искренне огорчался: во вверенной ему тюрьме творится нечто из ряда вон, а никто не в силах объяснить.

Господин Око оказался дотошен и настойчив. Нет того, чтобы плюнуть и на десять лет упрятать меня в одиночку; он упорно ставил опыт за опытом, жертвуя собственным здоровьем. Он-то заводился с пол-оборота и впадал в такое буйство, что жуть брала.

В один прекрасный день, в начале второго месяца тюремной эпопеи, мне нацепили наручники и повели из лазарета наверх. Травенская тюрьма восьмиэтажная — шесть этажей вниз и два над землей. Мы прибыли на первый надземный уровень. А там уютно, комфортно: администрация обитает. В окна солнце светит, и голубое небо видать. Женщины ходят красивые — секретарши или еще кто. Я приосанился, иду, не спотыкаясь. К

тому времени уже три дня в лазарете отвалился, сил поднакопил. И самая пора заголосить, повалиться на пол и начать кататься с воплями о нарушении прав заключенных. Совсем уж я приготовился — да конвойный ткнул в спину излучатель и сквозь зубы процедил:

— Дернешься — убью.

Я поверил: убьет. Пришлось шагать без демонстраций. Ввели меня в кабинет отца-начальника. Отменный кабинет у него: натурального дерева, с зеленой обивкой; ковер дорогой, малиновый. Хозяин из-за стола подымается, веком дергает. У меня один охранник слева, другой справа, третий за спиной; стоят, не пошевеливаются.

Видно, господин Око возжелал беседовать в новой, непривычной для меня обстановке. Но не успел: едва открыл рот для первого вопроса, его и повело. Посинел, затрясся, глаза по-рачьи вылезают, и хрипит страшно. На самом деле ему заорать хочется, да нельзя — люди кругом, услышат. А у меня внутри Бес Солнечного Зайца пляшет. Ну, хоть режьте, не могу делать вид, будто Лена Техады здесь нет. Не могу! Стою нос задрав, напыжившись — мол, лучше сдохну, а на брюхе пластаться не буду.

У начальника на шее жилы вздулись, того и гляди, лопнут и брызнут фиолетовой кровью. А

конвойные мои пока держатся.

— Ты... поди сюда, — сипит начальник, а сам за всякое барахло у себя на столе хватается. Чего доброго, запустит мне в лоб монитор или сувенирный календарик. — Ближе, ближе.

Ну, совсем не в себе мужик.

— Сюда, говорю! Руки вперед!

Сделал я два шага по ковру, но руки-то за спиной, тут уж ничего не придумаешь, чтобы его ублажить.

— Руки ему вперед! — шипит господин Око, сдерживаясь из последних сил.

Ладно; под прицелом излучателя разомкнули наручники и снова защелкнули. Не то чтобы много свободней мне стало, но все же чуток получше. Одно лишь обидно: в глазах некстати потемнело, и ноги стали как ватные.

Начальник с нехорошей миной описал круг по кабинету — и вдруг как кинется на конвойных.

— Вон! — шипит страшным голосом. — За дверь! Ждать там!

Мужики поворчали, что, дескать, опасно, но убрались. А меня шатает, как в шторм на море, и не вижу ни черта. Придушить его, подлюку, хочется; зубами бы глотку порвал. Но никак.

Взял он меня за плечо, толкнул на диван. Хороший у него диван, рассчитанный на высокопоставленные зады. Я проморгался, гляжу

— начальник сует мне ножницы с круглыми концами и большой лист белого пластика. А у самого руки трясутся, и ладони в поту.

— Режь, — велит. — Вырезай!

Что вырезать, зачем? Пожал я плечами и вырезал зайца. Стоит мой заяц столбиком, уши торчком. Отдаю рукоделие. Господин Око заклокотал, забулькал, схватил что-то со стола — и тресь мне по башке. Я на пол мешком повалился. А он уже чуть не плачет. Схватил ножницы, второй лист вытащил и сам что-то режет.

А меня скручивает, выворачивает наизнанку, кровью рвет. Начальник узрел — сам едва дуба не дал. Завизжал тонко-тонко, сорвал с себя пиджак и ну меня хлестать им. Насилу его влетевшая охрана оттащила.

Он еще побесновался, потом плюхнулся на диван и всерьез работой занялся. Мне полегчало, и я разглядел, что он вырезает. А как рассмотрел, холодным потом облился — в белом листе буквы зияли: ЛЕНВАР ТЕХАДА. Я и сообразить толком не успел, что он задумал, а уж двое мужиков прижали меня к полу мордой вниз, на спине затрещала одежда, затем на кожу ласково лег лист трафарета, и зашипел аэрозоль.

Знаете, господа, кислота — это чертовски больно. Я зверем взвыл. В жизни так не орал — протяжно, пронзительно, со слезой.

А им легче стало. Безумие отпустило, и вроде бы струхнули маленько. Господин Око в кресло бухнулся, водой отпивается. Охрана вокруг меня суется: одежду новую принесли, анестезиолога вызвали. Сколько я за два месяца обезболивающего получил — на полгорода хватит.

И тут я сломался. Голоса нет, сорвал напрочь — один сип да воронье карканье; и вот я всех подряд эдак безголосо спрашиваю:

— За что? Ну, за что? — Заикнулся на одном, больше ни слова выдавить не могу.

Врач глаза прячет, охрана ругается, а начальник тюрьмы как взревет:

— В камеру! Да пусть его убьют наконец!

Повели обратно, на четвертый подземный уровень. То есть поволокли на себе, потому как сам-то я ноги едва переставлял. Вишу на конвойных и думаю: лучше бы и впрямь прикончили, сил моих больше нет.

— Мужики, — прошу, — сведите в одиночку. Люди вы или как?

Молчат. Опять в общую. Лязгает, закрывшись, дверь, и снова я один против пятерых. А тут не то что драться — плюнуть в рожу сил не хватает. Колени подогнулись, и по двери той самой я вниз-то и сполз. Сижу, ладонями в пол упираюсь и гадаю: отнимут меня зырки вовремя или же дадут забить насмерть? И ни злости во мне нет, ни

стремления выжить, одна лишь обида. Что я им всем сделал? Чем виноват?

Горше той обиды ничего на свете не было, и как сидел я на полу у двери, так и заплакал. Добил меня господин начальник; доломал.

И не подняться. Сейчас, думаю, опрокинут и затопчут. А в камере тихо, словно нет ни души. А потом неожиданный голос — обычный такой, человеческий:

— Ну, брось скулить-то.

Подгребает ко мне детина — здоровенный мордорот. Но нет того, чтобы ботинком в ухо съездить — поднял на ноги, доволлок до койки, дал незлобивого тычка, от которого я на ту койку повалился, и набросил сверху одеяло. Забился я под одеяло с головой, как в нору, и в ту минуту за любого из пятерых сокамерников жизнь отдал бы, не задумываясь.

Полежал-полежал и сообразил, какой замечательный выход обрисовался. Чем выше я задираю нос, тем скорей мне норовят его расквасить — зато, чем я жальче и униженней, тем трепетней меня берегут и холят. Стало быть, куда как просто: чуть только охочие до зрелищ зырки вталкивают Солнечного Зайчика в общую камеру, он бухается на колени и начинает жалостно плакать навзрыд. Чудеснейший выход, лучше не придумаешь.

Выбрался я из-под одеяла, и с четверть часа мы прожили мирно. В сущности, я не задирался — просто держался как нормальный человек, не лебезил и на брюхе не ползал. А тот самый детина, который меня приголубил, первый же и завелся, попер с кулаками. Я принял бой, и все у нас пошло по-старому.

Может, я дурак и чего-то не понимаю? Если бы не побег, рано или поздно меня бы прикончили. Но не мог я каждый раз грохаться на колени, обливаясь слезами, не мог! Жизнь моя того не стоит.

Однако обретенная свобода заслуживала того, чтобы за нее бороться. Поэтому я отправился к Юльке.

У ворот меня встретил знакомый секьюрити с машиной — тот, у которого нервы крепче и меньше желания тюкнуть меня по макушке, — и повез не в дом, а в глубь парка. Доставил к холму с декоративными руинами и высадил.

Я уже говорил, что владения Вэров лежат в долине с названием «Райский уголок». Воистину рай — аж сердце защемило, когда я кругом себя поглядел. Цветы, словно праздничный фейерверк, бархатная зелень травы, немыслимой синевы небо, блеск речной воды вдалеке. Вспомнил я подземные этажи травенской тюряги... Нет: Лена Техаду там больше не увидят.

Я двинулся вверх по склону холма, к руинам благородных очертаний. Под аркой ворот появился Герман, крикнул что-то приветственное. Поднявшись, внутри руин я обнаружил уютный ресторанчик без обслуги, но с бассейном. На воде лежали белые лилии, в углу обретались два телохранителя, а за столиком у окна Юлька плела венки.

Герман подошел к ней и наклонился с озабоченным видом, а я задержался на пороге. Родилось нехорошее предчувствие — уж больно упрямо были сдвинуты темные Юлькины брови, сурово сжаты нежные губы, слишком упорно не поднимала она глаз от венка. «Сурпуг» не то увещевал, не то просил о чем-то, и наконец она раздраженно повела плечом и внятно, так что я издали расслышал, ответила:

— Хорошо; я не вмешиваюсь. Лен, здравствуйте еще раз. Заходите. Ах, Господи! — она бросила незаконченный венок на стол, поднялась и прошла к бассейну с водяными лилиями. Уселась на краю и опустила пальцы в воду. В белом платье, Юлька сама походила на лилию.

Видно, у них с Германом случилась размолвка, причем не иначе как из-за меня.

«Сурпуг» пригласил за столик, предложил чего-нибудь выпить. Я отказался и начал без

предисловий:

— Еще не оставили свою идею насчет Изабеллы? Сегодня я согласен.

У него блеснули глаза.

— Почему вы изменили решение?

— Меня высылают из страны. Изабелла ничем не хуже прочих мест.

— Вы просите помощи? — уточнил Герман.

— Я предлагаю свои услуги. За плату.

Он запустил пятерню в собственную густую шевелюру, потеревил воротник с пришпиленной металлической бляшкой неясного назначения, затем с сожалением поцокал языком.

— Видите ли, Техада... У нас изменились обстоятельства, и я не имею возможности воспользоваться вашим предложением. — Фраза получилась гладкой, словно он заранее ее заготовил и отрепетировал.

Торгуется, чтобы сбить цену? Едва ли; я чувствовал, что Герман не лжет.

— Почему? Это как-то связано с... — я запнулся, — с убийством?

Он промолчал.

— Вчера оно вас не интересовало, — продолжал я, теряя надежду. От кончиков пальцев по кистям потек холодок, и защипало под лопатками — напомнили о себе выведенные по трафарету буквы. — Разве выяснилось что-то новое

по делу?

— К сожалению, да, — Герман прямо посмотрел мне в лицо. — Техада, поверьте: вы мне нужны. Начиная дело на Изабелле, я рассчитывал на ваше участие. Но... — он удрученно развел руками, — вмешались некие высшие силы. Я не главный владелец предприятия, а мой отец проявляет... м-м... излишнюю щепетильность. Я не могу сейчас вас туда отправить.

— Если дело только в «сейчас»... Готов отправиться в любое иное место по вашему выбору. Потом когда-нибудь сочтемся.

— Вряд ли вы мне понадобится когда-нибудь потом.

— Не зарекайтесь. Вдруг пригожусь? — Возникло странное чувство отстраненности: я обсуждал самого себя, как неодушевленный предмет.

«Сурпуг» неожиданно засмеялся — негромким, бархатистым смехом. За такой смех женщины должны любить его без памяти; мне же захотелось от души ему вмазать.

— Вот что, Техада. Давайте начистоту. — Герман сцепил пальцы в замок. — Я давно имел вас в виду и вложил немалую сумму, когда организовал побег. Однако я не занимаюсь благотворительностью. Вы мне нужны единственно на Изабелле, а послать вас туда без согласия отца

— увы.

И опять я ему поверил.

— Однако же вы мне нужны, — повторил он, усиленно размышляя. — Что там за история с вашим отцом?

— С биологическим или с тем, кого убили? — мрачно уточнил я.

— С Ленваром. Откуда он взялся?

— Как объясняет моя тетка, сошел со звезд. Лучше справьтесь у нее, сам я толком не знаю.

— Та-ак, — неопределенно протянул «сурпуг», остановив невидящий взгляд на сидящей у бассейна Юльке. Мне подумалось, что он интересуется вовсе не промелькнувшей звездой, а тем, сколько лично мне известно о папаше. — Тогда скажите, — продолжал Герман, — почему вы убили Кэтрин Ош?

— Нипочему. Я устал повторять, что не убивал.

Он отмахнулся, как от докучливой мухи.

— Оставьте этот вздор, Техада. Мы не в суде. Я хочу услышать правду.

— Это и есть голая правда.

— О, боги! — воскликнул он в сердцах. — За одно только упрямство я бы уже закатал вас в тюрьму! Тогда так: за что вы могли бы прикончить Кэтрин, если бы в самом деле ее убили?

В его вопросах об отце и Кэтрин Ош крылась

некая связь, но я не мог ее уловить. Это раздражало, и потому я слепил самый отчаянный бред, какой сумел измыслить:

— Я был влюблен в ее мужа, а Кэтрин стояла между нами.

«Сурпуг» оценил и затрясся от смеха. Потом оборвал веселье и глубокомысленно объявил:

— А знаете, Техада, в этом что-то есть. Отличный мотив для убийства.

— Вы находите? — брюзгливо осведомился я.

— И зря отпирались. — Герман вдохновился, на сытых щеках зародился румянец. — Сумей вы доказать, что убили женщину в состоянии аффекта, получили бы года три, а не десять. Ей-богу, замечательный мотив. Все верно: ее вы раньше в глаза не видели и потому влюбиться не могли, а его по видео каждый день...

— Заткнитесь. Не то дам в ухо — и на секьюрити не посмотрю.

Он заткнулся. Погладил бляшку на воротнике, усмехнулся и огорошил:

— Если скажете моему отцу, что убили Кэтрин по этой самой причине, я отправлю вас на Изабеллу.

— Вы рехнулись.

— И постараюсь со временем сделать вам надежный паспорт.

— И отец ваш рехнутый, коли пускает на

Изабеллу одних голубых.

— Техада, вы меня утомили. Какая вам разница, что станет думать совершенно посторонний человек? Вся страна считает вас убийцей — по-моему, это серьезней.

Рассуждал он довольно здраво, этот миллионерский сукин сын. Если бы я не упирался и позволил адвокатессе доказать, будто набросился на Кэтрин в приступе ревности, десятки бы не получил. Но коли я тогда не дал возводить на себя напраслину, какого лешего сейчас соглашаться?

С другой стороны, я изведаль, что такое быть Солнечным Зайчиком, и с меня довольно. Я поглядел в окно, за которым синело небо, зеленел склон холма, а дальше простиралась райская долина с лугами, рощами и тихой речкой. У причала стояли прогулочные катера — разноцветные, яркие, будто набор детских игрушек. Меня взяла тоска. Не хочу обратно в тюрьму.

— Техада, опомнитесь, — сказал Герман проникновенно. — Куда бы вы ни попали, вас ждет одно и то же: мужчины будут звереть и кидаться, желая прикончить.

Вздумав его уесть, я нахально ослабил.

— А вы — почему у вас руки не чешутся? Неужто...

— Вы мне нужны, — сухо оборвал Герман. — И давайте обойдемся без намеков.

Я чуть не расхохотался ему в рожу. Ничего себе — ему без намеков, а меня хочет выставить педиком!

— Существуют технические средства защиты от сенсов вроде вас, — он коснулся загадочной бляшки на воротнике. — Чтоб вы знали: устройство обошлось мне дороже, чем ваш побег.

Я насторожился. Выходит, таких, как я, много? Но спросить не успел — Герман продолжил:

— Или вы предпочитаете пятнадцать лет скрываться в лесах, до истечения срока давности? Возможно, вас станут искать... И найдут, уж поверьте. Техада, вы слишком молоды, чтобы из глупого упрямства обрекать себя на скорую смерть в травенском застенке.

Я поглядел на сидящую у бассейна Юльку. Ее волосы струились по плечам и высокой груди, платье отливало розоватой белизной живых лилий.

Герман проследил мой взгляд.

— Есть еще одно обстоятельство. Наша с Юлькой свадьба, похоже, расстроится — так что вы можете рассчитывать на благосклонность нашей красавицы. Замуж она за вас не пойдет, а втихую побаловаться — отчего нет?

Глупостей я за свою жизнь наделал порядком. И тогда тоже: от всего сердца вlepил Герману оплеуху.

Юлька ахнула и вскочила, а в следующее

мгновение меня взяли за локти оба секьюрити. Нежно взяли, бережно, не в пример травенским зырмам. «Сурпуг» побледнел, на скулах шевельнулись желваки.

— Техада, вы непомерно горды и заносчивы. Несообразно своему положению в мире. Ну, отвели душу? Теперь, надеюсь, вы согласны?

Устал я от всего. И согласился. И только месяц спустя уразумел, зачем ему требовался мотив убийства, да еще такой идиотский.

А тогда мы поехали беседовать с Теренсом Максвеллом, отцом Германа. Высокий, седой, импозантный, он встретил нас в довольно скромном офисе «Лучистого Талисмана». Всех украшений — пейзаж на стене: вид на Приют под пылающей розовым золотом снежной вершиной. А сам господин Максвелл — всего лишь исполнительный директор небольшой туристической фирмы, и по виду никак не скажешь, что за ним стоят те огромные деньги, которые мне виделись за Юлькиным «сурпугом».

Защитной бляшки у него не оказалось. Герман торопливо представил нас друг другу и увел Максвелла-старшего в соседнюю комнату, пока тот не успел надуться от злобы.

Из-за двери доносились раздраженные голоса; они спорили минут десять. Тем временем приветливая секретарша потчевала меня кофе с

булочками, а я следил за тем, чтобы ненароком ее не коснуться.

Наконец Максвеллы возвратились, а секретарша ушла. Я смотрел в пол и делал вид, будто меня нет. Не хватало, чтобы после всей нервотрепки сделка сорвалась.

Директор фирмы кашлянул и отрывисто проговорил:

— Господин Техада, вы в самом деле питали привязанность к мужу покойной Кэтрин Ош? И...э-э... отвечали ли он на ваши чувства?

Мужу Кэтрин я охотно свернул бы шею. А заодно и Герману, который втравил меня в эту хренотень.

— Да и да. — На душе стало гадко, как если бы зарыдал в общей камере, ползая на коленях и умоляя о пощаде.

Максвелл-старший поверил. Он мне даже посочувствовал:

— Что ж вы... Надо было признаться в суде, а не упорствовать. Вам бы дали меньший срок.

Тут вмешался Герман:

— Думаю, теперь самое время объяснить суть задания и дать инструкции. Мы поговорим в отдельном кабинете.

— Конечно, конечно. Кстати, об инструкциях. Вам, господин Техада, придется их неукоснительно выполнять, иначе я не поручусь, что вы не

возвратитесь в Травен... в тюрьму.

Я обещал, что буду соблюдать все предписания. Однако не прошло и трех недель, как я нарушил слово.

А пока я от Максвеллов двинулся назад к Кристи — спросить, что может означать вся эта ерунда. Минуя дежурную сестру, я тайком пробрался в палату.

Шериф снова лежал под капельницей. От звука открывшейся двери он вздрогнул и открыл глаза, лицо осветилось — и тут же померкло от разочарования.

— Опять ты...

Он ждал Марион. Я не стал его огорчать и докладывать, с кем она и чем занимается.

— Кристи, — я отнес стул в дальний угол и уселся, — если позволите, я вас немного развлеку. Тут такая каша заварилась — обхохочешься.

И подал ему историю с Германом в веселом ключе, как анекдот; только Кристи, к сожалению, не смеялся. Он выслушал, помолчал и выругался — вполголоса, но смачно. После чего обратился ко мне:

— Дурак ты — Герман сам наступал. Тебя могли бы выслать с Территории, но не так скоро.

— Видать, я ему крепко нужен. — Вот сволочь миллионерская, слов нет! — Кристи, какие обстоятельства у них могли измениться?

— Я что, господь Бог? Откуда мне знать?

— А идиотский мотив убийства зачем?

Шериф скривился и не ответил, прикрыв глаза.

— Кристи, — окликнул я, наскучив ожиданием.

— В твоём деле очевидный прокол следствия, — отозвался он, не подымая век. — Нет мотива преступления. И признания не добились. Может, ты и впрямь ни при чем?

— Кристи!

— Ленни! — передразнил он. — Ладно, иди, собирай манатки, если всерьёз наладился на Изабеллу. Только имей в виду... — Шериф перевел дух. — Ты нужен Максвеллу, чтоб собирать стекляшки. И будешь их сгребать на его чертовой планете до самой смерти.

Вот черт; а я и не подумал о таком исходе. Пожалуй, с Германа станется.

Кристи пошевелился, застонал сквозь зубы.

— Иди. Скоро сестра заявится, тебе шею намылит.

Я поднялся со стула.

— Посоветуйте что-нибудь.

Он тяжело, трудно вздохнул. И неожиданно усмехнулся углами губ.

— Коли буду жив, позабочусь, чтоб тебя не схоронили на Изабелле.

— Спасибо. Кристи...

— Помолчи, дай сказать. Ты не виноват... в смерти Кэтрин. Я уверен. И еще. Если бы Марион тогда согласилась... ты стал бы мне сыном. И с тобой бы не случилось худого.

Я глядел на него во все глаза. Тетка уверяла: именно Кристи настоял, чтобы меня отдали в интернат. Шериф продолжал:

— Я хотел жениться на ней и усыновить тебя. Не сложилось. Она слишком любила Ленвара. Мечтала, чтобы он вернулся.

Меня озарило. Милая тетя отослала маленького Ленни в интернат, чтобы он вырос вдали от нее и возвратился чужим человеком, двойником Ленвара-старшего. Ай да тетушка, резвушка...

— Кристи, последнее. Кто убил моих родителей?

— Иди с Богом.

— Пожалуйста, скажите.

— Твою мать болтовней не вернешь.

— Кристи, послушайте. Вы с Марион оба знаете, кто убийца. Я полагаю, тогда вы молчали ради нее, но сейчас... Я прошу: скажите. Ну что — мне на колени стать?

— Убирайся.

— Кристи, у вас же, наверное, есть мать. Живая. Скажите!

У него кривились губы, лицо блестело от пота. Я чувствовал себя скотиной.

— Кристи, имя!

Он закрыл глаза, будто готовясь умереть, и тяжело уронил:

— Ленвар. — Помолчал и словно нехотя добавил: — Старший.

Да: я и раньше допускал, что именно промелькнувшая звезда орудовал в доме на озере. Но пока не знал наверняка, испытывал по отношению к нему только ленивую холодную злость. Я не признавал его за отца, он был чужим, лишним в моей жизни, я не радовался и не стыдился заложенных во мне его генов. Но теперь... Жаркая ярость застлала глаза. Он убил женщину, которая когда-то безумно его любила, — мать собственного ребенка; убил ее мужа, погубил ее мать, мою бабуку — ведь она умерла через два дня после трагедии на озере. А я — его сын, его точная копия. Сын убийцы, бешеного маньяка.

Шериф лежал как мертвый.

— Кристи, — позвал я, когда в голове прояснилось. — Как вы считаете: за что он их?

Молчание.

— А почему не прикончил и меня заодно?

Шериф разлепил веки с таким трудом, словно они срослись, и долго глядел в потолок, собираясь с силами для ответа.

— Ты выклянчил имя — я сказал. А теперь катись к черту и дай мне спокойно сдохнуть.

С тем я и ушел.

Уже за вечерело, когда я вернулся в тетушкино поместье. Ворота из металлического кружева с золочеными цветами отворились, я отпустил такси и зашагал по аллее.

Низкое солнце, словно заботливая кошка-мать, рыжим языком вылизывало верхушки деревьев. Небо посветлело, как будто синева стекла на землю и мягким сумраком осела под кустами. Дворец Марион пылал стеклами, отражая закатные лучи.

Добрался я до дворца, завалил прямиком в свою комнату. Тихо, пусто. Хрюнделя нет! Неужто мой бедолага проснулся от наркоза и двинулся на поиски хозяина? Наверное, он тут орал как резаный, и тетушка забрала его к себе.

Не хотелось являться Марион на глаза, но деваться некуда. Я заглянул в одну гостиную, в другую и добрел до личных комнат владельницы. Деликатно постучал.

— Тетя, можно к вам?

Спустя пару секунд дверь отворилась.

Марион была одна. Она сидела на диване, поджав под себя ноги, и глядела исподлобья. Упавшая на лицо прядь придавала ей мрачное, бандитское выражение. Шторы были задернуты, и

будуар освещали крошечные лампочки, точно прилепившийся к стене рой светляков.

— Лен, — с такой тоской промолвила Марион, что я простил ей все. Может, семнадцать лет назад она так же верила в невиновность Ленвара-старшего, как сейчас — в мою?

Ее глаза блестели в полумраке; из них выкатились две золотистые капли и поползли по щекам. От вида ее слез у меня душа перевернулась.

— Ты назвал меня потаскухой. — По щекам покатались две новые капли.

— Простите.

— Никогда не говори таких слов женщине, которая тебя любит, — прошептала Марион горько. — Что бы ты ни считал.

— Простите, — повторил я. Впору было провалиться.

Марион откинулась на спинку дивана.

— Садись, — положила ладонь рядом с собой. — Я прогнала Дэви. Ну, которого ты встретил в вестибюле. Он обиделся, увидав тебя в бывшем своем костюме. Вот и прогнала... Ленни, что ты собираешься делать?

— Улетаю с Кристины. Есть куда. Тетя, а где котенок?

Марион опустила голову, за упавшими волосами не стало видно лица.

— Он умер. Ты оставил его, и он так плакал,

что умер!

— Господи, — только и смог я сказать.

Тетка шмыгнула носом.

— Просто сердце разрывалось — так он кричал и метался.

«И вы велели его утопить, чтоб не мучился». Я смолчал, однако она уловила невысказанное.

— Лен, ты принимаешь свою тетку за чудовище? Мне и без того стыдно за Ирму — что вынудила тебя ее добить. Веришь? — Марион заглянула мне в лицо.

— Верю, — покривил я душой.

Ее рука двинулась было ко мне, но остановилась, будто испугавшись.

— Мы похоронили котенка в парке, рядом с Ирмой. Завтра посмотришь. Лен... никогда не бросай тех, кто тебя любит.

Я молчал. Хрюнделя было жалко — страсть. И зачем его оставил, когда уехал от тетки? Удрал из дворца, а про котенка не вспомнил. Сам и виноват. Бедный ушастый кошак... Ну зачем она его уморила?!

— Не переживай, — Марион положила-таки руку мне на локоть. — Бывают потери гораздо горше. Ленни. Ну, право же... Клянусь тебе, он бы не дожил; не дождался. Так кричал — точно человек. Сперва метался, потом судороги начались... Горничные ревели в три ручья. Пойми:

он умирал, нельзя было его мучить дольше. Мы из милосердия...

— Из милосердия вы его утопили, — глухо сказал я. И взорвался: — Почему не вызвали врача?! Дали бы снотворное — он бы спал!

Пораженная, Марион уставилась на меня, приоткрыв рот.

— Я н-не п-подумала, — вымолвила она, запинаясь. — Господи... какая же я дура! — Она схватилась за щеки, замотала головой. — Дура я, дура! Лен, прости. Не сообразила... Не сердись. Его все равно не вернешь. Ленни, родной мой, не расстраивайся. Ну, хочешь, нового котенка купим?

Вот это по-теткиному: вместо промелькнувшей звезды — племянник, вместо Хрюнделя — другой котенок. Я перемолол зубами злость. Сам-то хорош — ветер в башке.

Кое-как взяв себя в руки, я заговорил о другом:

— Тетя, откуда стало известно, что моих родителей убил Ленвар-старший?

— Как ты сказал?! — поразилась она. — Ты спятил. Какая нелепость!

— Ссылаюсь на Кристи.

— Ты ездил к Кристи?

— И выбил из него признание.

— Бог мой, что он наболтал?! — Тетушка была потрясена.

— Он сказал: «Ленвар-старший», — проговорил я сурово. — Я полагаю, что из любви к вам Кристи уничтожил улики, чтобы преступника не нашли. А вы из любви к звездному проходимцу простили убийство собственной сестры.

Не мог я на нее рычать как следует. Марион сжалась на диване, такая красивая, беззащитная; и кроме прочего, она меня любила.

— Я еще раз спрашиваю: откуда известно, что убийство совершил Ленвар?

Марион провела рукой по щекам. В темных глазах блестели золотые звездочки.

— Ну да, — прошептала она. — Конечно, Ленвар. Господи, Кристи — как он мог?! Ты его заставил... Лен, ну зачем ворошить прошлое? Глупый мальчишка, что ты натворил?

— Тетя, — я сжал ей запястья, — я жду от вас правду.

Она заплакала — тихо, задушенно. Опять, как недавно у Кристи, я почувствовал себя гнусной скотиной.

— После убийства мама прожила два дня, — справившись с собой, заговорила Марион. — Она бредила, в больнице. Сиделки ничего не поняли, а я... сообразила. Передала Кристи. Он сперва не поверил, это было так... невероятно. Лен, я не хочу, чтоб ты об этом думал. Ты сам говорил: Ленвар тебе не отец. Он... был безумен тогда. То, что он

учинил, необъяснимо. Я не знаю, почему! И Кристи не знает. Не спрашивай. Это слишком давняя история, чтобы ее ворошить. Я тебя прошу. Не превращай свою... не превращай мою жизнь в кошмар. Ленни, мальчик мой, обещай мне!

В теткиных словах крылась какая-то несуразность, но не удавалось взять в толк, что именно меня зацепило. К тому же Марион с таким пылом заклинала: «Не спрашивай, не думай, не вороши прошлое!» — что я уступил и не стал вкапываться, а спросил про другое:

— Тетя, вы заставили Кристи скрыть имя убийцы. Неужто Ленвар стоил такой любви?

— Ты знаешь о любви слишком мало. Не суди свою тетку, я хотела как лучше... И уже ничего не изменишь, — добавила Марион печально, смыкая у меня на шее кольцо нежных рук.

В комнате ожил интерком, сообщил голосом слегка растерянной горничной:

— Мадам, вас хотят видеть господина Кальвино и Метир.

— Кто такие? — сердито вскинулась Марион. — Что им надо?

— Они за господином Техадой; что-то правительственное. Охрана их пропустила.

За мной? В тюрьму?! Я метнулся к двери.

— Стой! — Марион поднесла к губам перстень с передатчиком и распорядилась: —

Глайдер на Северную террасу. Быстро!

Когда мы выскочили на террасу, глайдер уже ждал. Тот самый, который возил меня на день рождения Юльки; и пилот внутри сидел тот же.

— Возвращайся! — выдохнула тетушка после мимолетного поцелуя. — Обязательно, Лен!

— Вернусь.

Я прыгнул в салон и захлопнул дверцу, глайдер взмыл. Я увидел, как сквозь вечерние тени на площадку перед дворцом выкатывается длинный мобиль, поймал взглядом одинокую печальную фигурку на террасе. Затем пилот заложил крутой вираж, и тетушкин дворец остался позади.

Спустя несколько минут мы покинули воздушное пространство над Летным; нас никто не преследовал.

А через три дня я ступил на благодатную землю Изабеллы. Верней, свалился на нее с воем и бранью. А еще точнее, меня швырнул наземь пилот космической яхты.

Глава 5

От Кристины до Изабеллы мы шли через подпространство. Не мне вам объяснять, что за дьявольское свинство — это самое подпространство, к тому же пилоту велели прибыть на место в самый короткий срок. С тем, чтобы он

был занят и не делал попыток меня растерзать. И мы двинулись через ужас, который зовется долгим тупиком. Даже система противоперегрузки не спасла; я до сих пор в толк не возьму, как не сдох. И конечно, где уж было делать вид, будто меня нет на борту!

На орбите мы не задержались. Пилот — Леон его звали — стремительно пошел на посадку, плюхнул свою скорлупу на плато, которое на Изабелле зовется космодромом, и кинулся в салон. Я валялся безо всяких сил и шепотом крыл своего пилота на чем свет стоит. И вот сквозь гуд в ушах и вой тысячи бесов, засевших у меня под черепушкой, слышал я звериный вопль Леона. Стреб он меня могучими лапами и поволок вон из яхты. Пришибет, думаю, насмерть.

И точно. Он выволок меня через пассажирский шлюз, протащил немного по трапу, а потом швырнул с высоты, метров с трех, — я аж сознания лишился. Но, видно, ненадолго: когда очухался, пилот с рыком отплясывал на моих костях бешеный танец. Ох, и крепкие у парня ноги! Хорошо, я лежал мордой вниз, не то сотворил бы он мне в брюхе суп из потрохов на кровавом бульоне.

И помню, не так за жизнь мне боязно, как за руки. Размолотит их Леон — как же потом камни собирать?

Он поупражнялся, затем вдруг выдохся,

бухнулся наземь, рядом со мной, и молчит. Я тоже помалкиваю: не то что голос подать, вздохнуть больно. И вот лежу я на голой земле, на каменном крошечке — и хорошо на сердце. Спокойно так, благостно. Изабелла подо мной — точно живое существо, мудрое, доброе, мягкое. Баюкает, утешает, усыпляет боль, гладит незримыми лапами. И я покачиваюсь тихо-тихо, словно лежу на плоту, а течение несет в страну розовых облаков. И не облака это, оказывается, а кошки, и они безмолвно кружат надо мной, а длинная шерсть касается тела и исцеляет. И покой в душе несказанный, и предвкушение чего-то еще, неведомого, волшебного, упоительного.

— Эй, ты живой? — хрипло спрашивает Леон.

— Твоими молитвами, — отвечаю. И чувствую, что опять нарываюсь, да Бес Солнечного Зайца оживился: уши торчком поставил и лапами барабанит.

А пилот вдруг как взвояет!

— Да ты, — вопит, — паршивый мальчишка! Так тебя и растак, я ж тебя чуть не убил!

Перевернул он меня на спину, вглядывается — а у самого морда белая, и пот на висках выступает.

— Отвяжись, — прошу, а он тащит из кармана салфетку и трясущимися руками начинает мне лицо промокать, кровавую пену с губ вытирает. И

твердит одно:

— Да черт тебя дери, ну сукин же ты сын!

Я покорился: лежу, не рыпаюсь. Леон в истерике — дошло наконец, что он тут учудил, и все четче ему вспоминается, как надо мной изгалялся. Каждый сустав, каждую косточку мне прощупывает: цела ли. С перепугу и меня костерит, и себя собачит, а у самого глаза безумные и губы прыгают. Потом слазил в яхту, притащил диагностер и со всех сторон меня техникой проверил.

— Цел, — говорит. — Живой. Живехонек! — Только сейчас до конца уверовал. Перевел дух, отер пот с лица. — Ты уж прости. В мозгах помутилось, законтачило — себя не помнил. Отроду за мной такого не водилось.

— Это, — объясняю, — Бес Солнечного Зайца вселился. Так часто бывает; я уж привык.

Он увез меня с космодрома, и пару дней я отлеживался на Первом Приюте. Вид из окна — бесконечная сказка. Прозрачная, звенящая тишиной голубизна, в которой — смотря по времени суток — рдеют, золотятся, синеют или горят белым пламенем снежные шапки. Но больше всего меня поразила Леон. Не раз бывало, что мужики, опомнившись, хватались за голову, да ненадолго: вскоре сызнава заводились. А Леон — нет. Он так и ходил тише воды, ниже травы, смотрел покаянными

глазами. Все боялся, что не доглядел у меня какой-нибудь перелом или откроется запоздалое кровотечение; совсем допек со своим диагностером. И не уставал дивиться на мою необыкновенную живучесть.

— У кошки семь жизней, — говорил я ему, — а у Лена Техады тринадцать.

Мне было его жаль. Впервые на моих глазах мужик так казнился после приступа бесовского безумия. Обмозговал я положение и решил: не в пилоте дело, а в волшебном месте, где мы находимся. Видимо, оно сводит на нет то психическое излучение или не знаю что еще, которое заставляет людей кидаться на безобидного Лена Техаду. Я воочию себе представлял: работал у меня в мозгах своего рода колебательный контур, посылавший сигнал за сигналом, и вдруг — бац! — сдох. Или затих на время. Вот бы счастье, если насовсем; до того я устал воевать со своими собратьями!

По плану, Леон должен был высадить меня и возвратиться на Кристину, но поскольку я лежал пластом, он остался на Приюте сиделкой.

В первый день пилоту было ни до чего, а на второй он собрался доложить, что задерживается на Изабелле. И не сумел выйти на связь — передатчик на Приюте не работал. Я не вник, в чем причина, однако Леон сильно бранился. Делать нечего;

прыгнул он в вездеход и погнал на космодром, потому как в его яхте со средствами связи полный порядок.

До космодрома ехать — всего ничего, каких-то километров двадцать. Но отчего-то Леона нет и нет. Час проходит, два, три. Наконец вваливается мой пилот в дом. Топочет сердито, дверьми хлопает, так что стены ходуном ходят, и в конце концов загребает ко мне: в руке запотевшая бутылка соку, а сам мрачнее тучи. Плюхнулся в кресло и хлещет сок из горла.

— Ты бы, — советую, — чего покрепче сыскал. Что ерундой балуешься?

— Нету ни черта. Весь дом обшарил. Ни капли благородного напитка!

Отшвырнул он бутылку, обернулся к окну, прищурился на пронзительную синь неба и блеск снежных вершин. Успокоился немного и объявил:

— К яхте не прорваться.

— То есть?

— А вот не подойти, и все тут. Издали глядеть — все чин чинком. Стоит себе на плато, как порядочная, бока на солнце греет. А как я подъехал, скок на землю — и аж сердце зашлось. Там... ну, не передать, что такое. — Леон замолчал, сердито насупясь, опять взялся за бутылку. Побулькал соком, со злобой завинтил крышку. — Не знаю, как объяснить. Страшно там. Такая жуть, хоть криком

кричи. В машину забьешься — вроде ничего, а вылезешь — мама родная! Взмок весь. Ну, ты скажи: кому взбрело на ум поставить генератор какого-то сучьего излучения, чтоб на меня страх напускать? Кругом ни души, а яхта сама не умеет.

Долго мы разбирались; мало-помалу, я составил впечатление о том, что пережил мой пилот. При светлом сиянии дня, под синью бездонного неба вокруг яхты словно сгустилось тугое, душное, черноватое облако. Нет, глазом не увидеть, просто рождалось ощущение. Облако это дышало и было полно зла и смертельной угрозы. От каждого его вздоха стеснялось в груди и пережимало горло, и, к ужасу Леона, останавливалось сердце. Мотор сперва трепыхнется, как птица-подранок, затем два-три мощных удара — и тишина. В глазах темнеет, по телу холод и смертная слабость. Пилот дверцу вездехода захлопнет, отсидится — сердце дрогнет и вновь заработает. И так несколько раз он экспериментировал: заезжал с разных сторон, затем подождал в отдалении и вернулся... Нервов и здоровья потратил уйму. Так ни с чем и убрался.

На другой день Леон снова подался на космодром. Я уже начал приходить в норму, поэтому ожидал его возвращения на крыльце. Со всей ответственностью, господа, заявляю: краше Изабеллы может быть только любимая женщина.